Д. Н. ВЕРГУНЪ.

КАРПАТСКІЕ ОТЗВУКИ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

III. ИЗДАНІЕ.

Чистая прибыль — въ пользу русскихъ сиротъ Спрингфильдскаго Пріюта и Школьной просвѣтительной Комиссіи Карпаторусскаго Совѣта.

НЬЮ ІОРКЪ, 1920.

Д. Н. ВЕРГУНЪ.

КАРПАТСКІЕ ОТЗВУКИ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

III. ИЗДАНІЕ.

Чистая прибыль — въ пользу русскихъ сиротъ Спрингфильдскаго Пріюта и Школьной просвѣтительной Комиссіи Карпаторусскаго Совѣта.

НЬЮ ІОРКЪ, 1920.

Дмитрій Николаевичъ Вергунъ.

Памяти Отца

НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ВЕРГУНА,

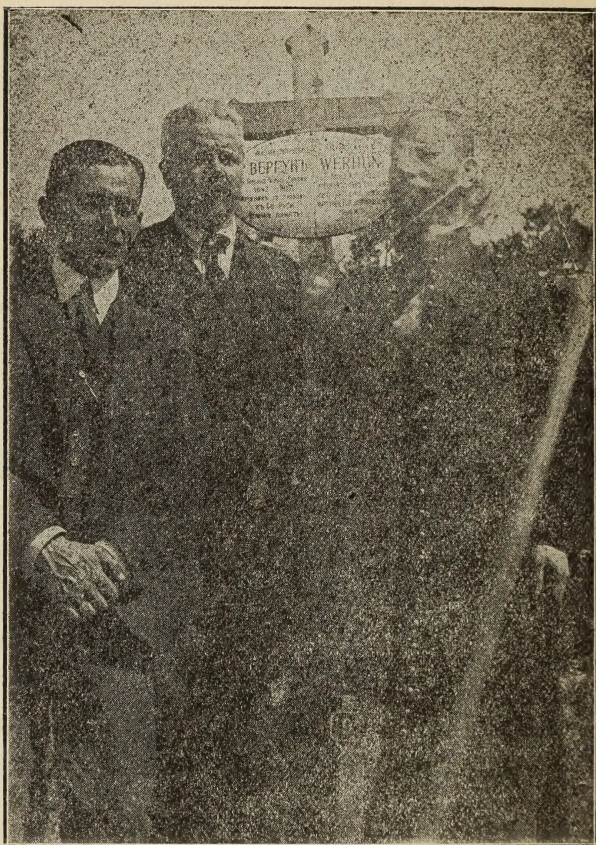
замученнаго Австро-Нѣмцами 1 апр. 1917 г.
в Зицендорфской тюрьмѣ
послѣ трехлѣтняго безвиннаго заключенія
в Талергофѣ (Стирія) и Оберголабруннѣ
(Нижняя Австрія).

I am proud of my father—
peasant and won't change
him for a king!..

Thomas Carlyle.

Я горджусь своим отцом —
крестьянином, и не хотѣл-
бы промѣнять его на —
царя!

Ѳ. Карлейль.

Водруженіе креста на могилѣ Н. Г. Вергуна
в Зицендорфѣ, 1919 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Второе изданіе стихотвореній Д. Н. Вергуна «ЧЕРВОНОРУССКІЕ ОТЗВУКИ», выпущенное Литературным Обществом «Галицко-Русская Матица» во Львовѣ в 1907 г. разошлось давным давно. Чистый доход 2-го изданія был опредѣлен на издательскій фонд ежемѣсячнаго журнала галицко-русской соціастической молодежи «НОВАЯ ЖИЗНЬ», выходившей в 1909 г. во Львовѣ и прекратившей свое существованіе на 12 выпускѣ.

С тѣх пор потребность новаго изданія чувствовалась нераз. Такое изданіе и подготовляло «Московское прогрессивное книгоиздательство», издавшее в 1915 г. I. том объемистаго сочиненія Ф. Ф. Аристова «КАРПАТОРУССКІЕ ПИСАТЕЛИ». Но обстоятельства міровой войны помѣшали, как появленію дальнѣйших двух томов сочиненія Аристова, так и новому изданію стихотвореній Д. Н. Вергуна.

Пріѣзд автора в Америку дал возможность осуществить эту задачу. К сожалѣнію 2-го изданія стихотвореній Д. Н. Вергуна в Америкѣ не нашлось, пришлось перепечатывать 1-ое изданіе, находящееся в Конгрессной Библіотекѣ в Вашингтонѣ, с добавленіем тѣх стихотвореній, которыя в свое время перепечатывались в календарях «Об-ва Взаимопомощи», «Об-ва Русских Братств» в Америкѣ, в газетахъ «ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ», Нью Іорк, «ПРАВДА», Олифант, Па., «СВѢТ», Вилкес Барре, Па., «РУССКІЙ НА-

РОД», Виннипег, Канада и «НАРОДНА ОБОРОНА», Питтсбургъ, Па.

Вслѣдствіе этого многія стихотворенія автора 2-о изданія в это 3-ье изданіе не попали. Набранные в гранки, стихи были автором просмотрѣны и кое-гдѣ исправлены.

Во время пребыванія Д. Н. Вергуна в Россіи многія из его стихотвореній были положены на музыку. Слѣдующіе композиторы написали музыку на его стихотворенія: Н. С. Кленовскій (У Раки Земляка), С. П. Чесноков (Славянская Стража), А. А. Смульскій (Славянскій Орел), А. Н. Архангельскій (Кантата Гоголю), В. И. Главач (Сокольскій марш), И. И. Церох (За Русь), Ф. Ф. Шоляр — (Христос воскрес — мелодекламеція с арфой), И. И. Армгеймер (романс), Н. М. Козаков и др.

Стихотворенія автора, положенныя на музыку, исполнялись по случаю разных національныхъ праздников. Марш русских студентов «За Русь», написанный и оркестрованный И. И. Церохом, стяжал себѣ большую популярность в Галичинѣ и в Америкѣ. «Марш Соколов», составленный В. И. Главачем, исполнялся на всѣх сокольских торжествах.

«У Раки Зеляка» Н. С. Кленовскаго и «Христос воскрес» Шоляра исполнялись на торжественных собраніях Галицко-русскаго благотворительнаго Общества в Петроградѣ, между прочим по случаю пріѣзда Антіохійскаго патріарха Григорія в русскую столицу. «Кантата Гоголю» А. Н. Архангельскаго исполнялась в Вѣнѣ и в Россіи во время Гоголевских торжеств.

«Славянскій Орел» А. А. Смульскаго и «Славянская Стража» Чеснокова исполнялись неоднократно во время войны балканских славян против турок в

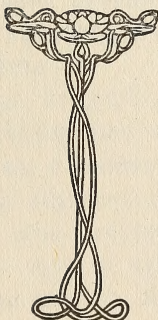
1912 г. и затѣм в первые годы войны в исторических концертах М. Н. Долиной в Петроградѣ и других городах Россіи.

Все это появилось до войны или в ея первые годы и, к сожалѣнію, нынѣ в Америкѣ недоступно.

Правописаніе-принятое в русских кругах Америки, т. е. пропуском, для сбереженія мѣста, твердаго знака в концѣ слов, но с оставленіем его в срединѣ, во избѣжаніе несвойственнаго русской графикѣ — апострофа.

Чистая прибыль III изданія опредѣляется в пользу Русскаго Сиротскаго Пріюта в Спрингфильдѣ, (Вермонт) и Школьнаго фонда при Карпаторусском Совѣтѣ в Нью Іоркѣ.

Издательство.

I.
КАРПАТСКІЕ СТОНЫ.

КАРПАТОРУССКАЯ ПАСХА.

О, если бы дожить до дня,
Когда сквозь саван погребальный
Проникнет благовѣст пасхальный,
Когда, веригами звеня,
Мы встанем из могил,
И, полны свѣжих сил,
От Тиссы, Буга и до Сана,
По обѣ стороны Карпат,
Друг — недруг, брат — небрат,
Воскликнем радостно: Осанна, —
И грянут долы, горы, лѣс —
  Христос воскрес, Христос воскрес!

* * *

О, если бы дожить! Но дни
Бѣгут — бѣгут, жизнь все короче,
И утро гонит сумрак ночи
И ближе вѣчности огни —
А благовѣста нѣт! .. . . .
И прерван, не допѣт,
Тот отроческій гимн надежды,
С каким мы в юности святой,
В далекой церковкѣ простой,
На свѣт наш открывали вѣжды,
Повѣря в чудо из чудес:
  Христос воскрес, Христос воскрес!

Мы шесть вѣков уже в гробу!
Двѣнадцать лучших поколѣній
Шестьсот прождало воскресеній,
Все вѣря в лучшую судьбу. . . .
А гнет чужих цѣпей,
Давил сильнѣй, страшнѣй.
Пускай нам рвали из гортани
Молящіеся языки,
Бросали в «мѣдные быки»
И жгли средь воплей и стенаній,
Но все ж напѣв наш не исчез:
Христос воскрес, Христос воскрес!

* * *

И всякій раз, когда весна
Расторгнет зимнія оковы,
И, свѣжи, зелены и новы,
Встают от мертвеннаго сна,
Цвѣты вездѣ стеля,
Луга, холмы, поля —
Сама та пѣснь из груди рвется. . .
В восторгѣ от нея Карпат
Ручьями слез росит свой скат
И завывает и смѣется,
Качая бурно свой навѣс —
Христос воскрес, Христос воскрес!

* * *

И внемлет пѣсни вѣковой
Свидѣтель древней, княжьей славы,
Давно разрушенный и мшавый,
Наш терем Галицкій сѣдой.
У ног сонливый Днѣстр
Шумит под птиц оркестр
И шепчет старыя преданья —
Что, как весна, то на горѣ
В старинном княжеском дворѣ
Слыхать подземныя рыданья
И звон и пѣніе словес —
Христос воскрес, Христос воскрес!

* * *

И до меня в краю чужом
То пѣнье мертвых долетает
И дух отчаянья смиряет
Повѣрье люда над Днѣстром.
Все явственнѣе он —
Подземный перезвон,
Уж содрогаются могилы,
И, может быть, я доживу
И сон увижу на яву, —
Как древній Галич, Лазарь хилый,
Возстав, воскликнет до небес —
Христос воскрес, Христос воскрес!

Вѣна, 1903 г.

МАНЯВСКІЙ СКИТ.

КАРПАТОРУССКАЯ ЛЕГЕНДА С 1785 Г.

(Посвящается подвижнику Алексѣю Кабалюку).

В карпатских ущельях лѣсистой Манявы
Вѣками сіял монастырь,
Его основал в годы княжеской славы,
По древней молвѣ, — богатырь,

Владиміра Солнышка витязь дружинный
Грѣхи замолить порѣшил,
Степанович-Дюк, Галичанин былинный,
В нем кости свои положил.

Немало обитель в пучинѣ столѣтій
Извѣдала лютых невзгод,
Но бури и грозы крутых лихолѣтій
Отмаливал вѣры оплот.

Мадьяр и поляков, татар, печенѣгов
Видал златоверхій погост,
Но скит отражал всѣ осады набѣгов,
Лелѣя живительный рост.

И в каждую Пасху Карпат изумрудный
Над ним сотрясал свой навѣс,
Вѣщая селеньям напѣв его чудный,
Что снова Спаситель воскрес.

А в цвѣтень весны, под Ивана-Купала,
Народ сдалека притекал,
Духовной услады в нем черпал начала,
Водой очищаясь из скал.

В казацкія войны «За Русь и за вѣру»
Скит выслал немало бойцов,
И в нем сподоблялся святому примѣру
Вожак удалых чернецов.

Іовом Желѣзом его величали
За стойкость, за подвиг земной —
В Почаевской Лаврѣ он щит лучше стали
Сковал для отчизны родной.

И слава скита по всему Прикарпатью
Блистала из вѣка во вѣк,
Покуда Тевтон, истребляя всю братью,
Моленій ея не пресѣк.

Стряслось это горе в годину лихую —
Царица дѣлила наш край,
И — вмѣсто спаять—колыбель племенную
Отдала врагам невзначай.

Не коршунов стаи, а грянули нѣмцы
На древній священный очаг,
— До тла разоряйте — воплят иноземцы,
— И наш водрузите вы стяг.

Отряд за отрядом врѣзается в горы —
Плѣнять, избивать, чернецов,
Монахи, что птицы, запрятались в норы,
Скрываясь от вражьих оков.

И лишь Алексѣй, Іерей сѣдоглавый,
Обѣдню рѣшил дослужить,
И жертвой безкровной пир злобы кровавый
Пред Вѣчным Судьей замолить.

Уж пламенем дышет собор подожженный,
А старец стоит в алтарѣ
И Господа просит в мольбѣ сокрушенной
О новой для Руси зарѣ.....

Уж дрогнули своды. . . церковное злато
Орава бѣжит расхищать,
А старца лицо умиленьем объято,
Он молит — ему не мѣшать.

— Брось поп!—замахнулся начальник отряда
И выхватил чашу из рук,
Собаку он свищет из дымнаго сада,
Презрѣв іерея испуг.

Собака ворвалась на зов капитана
К налою, в алтарь, на престол —
В кощунствѣ он чашу вливает ей спьяна,
А старец лишь руки возвел......

Вдруг грохнули своды и молньей сраженный
Пал мертвым кощун — капитан,
Алтарь и священник в скалѣ потаенной
Исчезли под кровом полян......

Из груды развалин лишь башня маячит,
Обросшая мохом, с тѣх пор,
И в нѣдрах земли кто-то стонет и плачет
И что-то рокочет из гор.

Но явственны в ночь, под Ивана-Купала,
И пѣнье и служба и стон,
Спѣшат богомольцы с велика — до мала
Услышать таинственный звон......

В народном повѣрьи — то служит молебен
Подземный монах Алексѣй,
Недаром источник стал явно цѣлебен
На радость убогих людей.

И вѣрит весь люд, что появится снова
В Карпатах подземный монах,
И скит расцвѣтет живописнѣй былого,
Всѣм недругам Руси — на страх!

Петроград, 1913 г.

РУССКАЯ ГОЛГОѲА.

Истерзан лик Руси, вѣками нерушимый,
Голгоѳы маревом окутан шар земной.
Распятой жертвы крест, мучителям незримый,
Маячит в небесах багровой пеленой.

А на крестѣ висит, среди земных отребій,
Всемірным терніем вѣнчанная Любовь,
И распинатели о ризах мечут жребій,
Смакуя на клочках запекшуюся кровь.

За счастье всѣх людей, за благо всѣх народов,
Святая Русь, себя ты в жертву обрекла,
Средь себялюбія вздымающихся сбродов
Всечеловѣчества ты звенья сберегла.

Пусть слишком тяжела Голгоѳы злая страда,
Мученіем своим искупишь міра грѣх,
И в воскресеніи твоих сынов отрада,
И Пасха русская — да будет Пасхой всѣх!.

Развалит тѣсный гроб возставшая стихія,
С глаголом мира всѣм в безтрепетных устах
Возстанет в третій день славянская Россія
С вселенской правдою в блистающих очах.

И вновь сомкнутся с ней Славян родные братья,
На тризнѣ заключив свободный свой союз,
И новый лад внеся в пожарище распятья —
Любовных и во-вѣк нерасторжимых уз!

И будет их союз — прообраз міру мира
И равновѣсія земных племен залог,
Свободы, равенства — без всякаго кумира —
И братства всѣх людей незыблемый чертог.

И с ним поднимется все выше мысль людская
На человѣчности послѣднюю ступень,
Откуда нам блеснет заря денницы рая,
За нею всеблаженств желанный, вѣчный День. . .

Москва, 1918 г.

ВОЗСТАНИ, ДОЧЬ.

В годины слез и в лихолѣтье горя,
Когда в чаду усобиц и разрух,
Послѣднія надежды переспоря
Оцѣпенѣл изнемогавшій дух —
В одной мольбѣ застыла Русь святая
Единый вопль стенала, изнывая,
Единый вздох таила в эти дни:
« И л и, И л и, л и-м а с а в а ѳ а н и !»

— Господь, Господь. Ты вскую нас оставил —
Молилась Русь заглохшим небесам,
Но скоро Ад ей снова тризну справил
По вспыхнувшим заоблачным мечтам...
Чернѣй, еще чернѣй нависли тучи.
В них Рока суд загрохотал могучій,
А Божій перст — он в молніях небес
Грозя чертил: «М а н и, Ф а к е л, Ф а р е с!»

— Исчислен срок Господняго терпѣнья —
Гласил небес огнистый приговор,
— За что, за что — поднялся гул волненья,
Но в ужасѣ поник роптавшій взор,
Зарницами пороки засверкали,
Перунами их громы рокотали
И словно Іов, в струпьях и в гною
Предстала Русь, терзая грудь свою.

За гекатомбы гиблаго похода
За слезы вдов, дѣтей и матерей,
За темень православнаго народа
За слѣпоту его поводырей,
За кровь святую люда трудового,
Что вѣрил в правду подвига живого,
За плѣсень, гниль, разбой и мразь и гнусь
Казнил Господь израненную Русь.....

Покинута ничтожными царями,
Истрепана взаимною враждой,
Обманута лукавыми друзьями,
Изглодана заразой и нуждой —
Терзалась Русь, в горнилѣ испытаній
Тая огонь для будущих призваній
И вѣря зову: Русь, о Русь, воньми —
Христову слову: Талиѳа, куми!

— Возстань, о Дочь! Лишь грянет клич желанный,
Разверзятся благія небеса,
И разъяснится кругозор туманный,
И ниспадет цѣлебная роса —
И той росой обмоется Россія
И чистая, блистая как Мессія,
Народам мир свободы возвѣстит
И Царству Божью путь благословит!...

Москва, 1918 г.

КАРПАТСКІЙ РУСНАК.

(Посвящается Антону Григорьевичу Бескиду).

Я Карпатскій Руснак,
Стародавній козак,
Сторожил я вѣка наши горы,
  От монгол, янычар,
  Нѣмчуры и мадьяр,
Изнывая без братской опоры.

Больше тысячи лѣт
Мы страдали от бѣд,
На скалах Прометеем распяты,
  Но таили огонь
  И, сжимая долонь,
Сохраняли для Руси Карпаты.

Мы Руси колыбель,
Мы Славянства купель,
Первозванные дѣти Кирилла,
  Наш славянскій обряд —
  Чудодѣйственный клад,
Неизбывныя русская сила.

Ободрял он неразъ,
В незадачливый час,
Наш народ подневольный, усталый,
  За него возставал,
  Среди дебрей и скал,
Не один наш подвижник удалый.

Кто из нас изнемог
От недоли — тревог,
Улетал на край свѣта, за море,
    Муравьиным трудом
    Призывал напролом
Побороть вѣковѣчное горе.

И услышан был зов,
Из тяжелых оков
Воскресает Руснак омертвѣлый,
    Вѣря в чудо чудес —
    Что раз корень воскрес,
То воскреснет народ его цѣлый.

Париж, 1919 г.

ДНѢСТРОВЫЯ ВОЛНЫ.

Вы слыхали, я чай,
Про карпатскій наш край
Ненаглядный?

Да знаком-ли народ,
Что в краю том живет
Безотрадный?

Не опишешь красы
Русской сей полосы
Прикарпатской,

Но нельзя найти слов
Передать гнет оков,
Муки адской...

Чудо там и луга,
Диво рѣк берега
И дубравы,

Да среди красоты
Все лачужки, плоты
И муравы.

Соловей каждый год
В гаях-рощах поет
Диво-пѣсни,

Ему-ж вторят из хат
Пѣсни горя под-ряд,
Стон болѣзней...

Там так часто теперь
Днѣстр гуляет без мѣр
Многоводный,

Ухудшая бѣду,
Умножая нужду,
Вопль народный....

А смирится рѣка,
Катит волны слегка
В сине море,

Безутѣшный народ
С тихой скорбью несет
Свое горе...

Что ни год, все сильнѣй
Гнет народных цѣпей
И недоли,

С вѣчным рабства клеймом
Мы покорно несем
Стыд неволи....

И едва-ли дождусь
Я свободы от уз,
И родную

Я увижу зарю,
И счастливой узрю —
Русь святую.....

Горыгляды, 1892 г.

«ЗЕЛЕНАЯ» РУСЬ.

(Посвящается русскому студенчеству обществу «Карпат» в Черновцах).

О, Буковинская земля,
Зеленорусскій край,
Твои лѣса, твои поля,
Вѣдь это сущій рай!...

Карпат хребет сторожевой
И Черемош, и Прут
Старинный русскій облик твой
От вѣка берегут.

На всей Руси нѣт стороны
Тебя богаче, краше,
Могли-бы, вѣрь, твои сыны
Купаться в полной чашѣ....

Но отчего-же каждый год
И Черемош и Прут
В струях своих бурливых вод
Все столько слез несут?!

И отчего в полях твоих
Не слышен счастья звук,
А стон стоит страданій злых
И горестей и мук?

О, Буковина, русскій край,
Отвѣт не слышен свѣту,
В тебѣ есть все, чѣм пышен рай,
Лишь русской правды нѣту,

Давно-давно ее в полон
Похитил чуженин,
Давно в нее и свой закон
Внес хитрый властелин....

С тѣх пор Карпат все слезы льет,
А Черемош и Прут
Тѣ слезы горя и невзгод
Все на восток несут....

И думает Карпат сѣдой,
Что лишь с востока солнце
Пріободрит народ родной,
И заблестит в оконце —

Вмиг высушит потоки слез,
Прогонит и ненастье,
Блеснет пора завѣтных гроз
И русской правды счастье!...

Не плачь, не плачь, родной Карпат,
Уж солнце недалеко,
Открыл на горе брата брат
Недремющее око!...

Черновцы, 1897 г.

БЕЗЧУВСТВЕННОСТЬ.

(Послѣ кровавыхъ галицких выборов 1897 г.).

Безчувственность, вот кара, вот наш бич!
Ни вопль, ни кровь, ни вѣщей правды клич —
Вперед, к добру, — не трогают людей;
Они глухи, хоть мучь их, рѣжь и бей!...

Удар кнута — для них лишь ласка власти,
Суд и тюрьма — лишь усмиренье страсти,
Убійство, казнь — лишь жертва для порядка,
Неволя им привычна, люба, сладка...

Рабы, рабы! когда-жь укор—позор
Воспламенит ваш окаянный взор,
Когда-ж, когда на розмах палача
Отвѣтит штык и лезвіе меча?

Вѣна, 1897 г.

НОВЬ.

(По случаю кровопролитных галицких выборов 1907 г.).
(Жертвам Горуцка).

L'idee s'inaffiano col sangue.
Malatesta.

Лишь кровь проливайте, крови не жалѣйте,
За правду-ль, за кривду-ль,—крови больше лейте!
Она, протекая дорогой тернистой,
Сама унавѳзит сушь почвы скалистой.

Она утучнит оскудѣвшія силы
И там, гдѣ теперь лишь кресты да могилы,
Там жизнь воскресит благодатное время,
Взрастет невзначай оброненное сѣмя,

Посѣвы в росточки и в стебли и в колос, —
Не сможет еще посѣдѣть даже волос,
Как выростет мститель из пролитой крови,
Под именем страшным — невиданной нови!...

Вѣна, 1907 г.

КАРПАТОРОСС.

(Посвящается И. И. Цероху).

Карпатоcс, Карпатоcс,
Досель ты был — Руси отброс,
Но прогорит военный пламень —
Краеугольный будешь камень!

Напрасно-ль жертвенная кровь,
Лилась в Карпатах вновь и вновь,
Гдѣ праотцы свивали гнѣзда,
Чтоб ярче им сіяли звѣзды.

С Карпат наш пращур Святогор
В Подолье свой направил взор
И там Микулы Селянина
Созрѣла тяга исполина.

Лишь с Верховины разбрелись,
За дѣвственную степь взялись,
Ища границ Сарматской дали,
Всю цѣлину и распахали.

В разбродѣ Русь, забыт Карпат,
Перун ни Велес не манят,
Но вѣра свѣтлая Кирилла
С Карпат нас снова озарила,

Там, гдѣ гнѣздилась колыбель,
Зажглась Руси святой купель,
И новой грамоты скрижали
Всю Русь из тьмы освобождали.

Глаголу вышнему внемля
Собралась Русская земля,
Но дикій лязг усобиц княжьих
Русь заковал в оковах вражьих.

С надрывом наш Митуса пѣл —
Плоха та Русь, гдѣ Бог — удѣл,
Пока князьям пята Батыя,
Не попрала мѣста святыя.

И кто-жъ свободу вновь принес —
КарпатоWhile росс, карпатоpосс,
В Москвѣ создав очаг кремлевый,
Он Русь призвал на подвиг новый.

Из гор притек святитель Петр,
Внушил Руси: — покинь свой одр,
— Сломи татар, очнись, мужайся,
— Освободись, объединяйся!..

И вняла Русь, и «Третій Рим»
Был создан подвигом святым —
Созрѣло поле Куликово
И вѣщее сбылося слово.

Нью Іорк, 1920 г.

У РАКИ СВЯТОГО ЗЕМЛЯКА.

Св. Петра, Московскаго Чудотворца.

В древнѣйшем Соборѣ Кремлевой Москвы
Гробница святая стоит.
Лампада над нею, у самой главы,
Немеркнущим свѣтом горит.

В лучистом сіяньи здѣсь мощи лежат
Того, кто построил сей храм —
Пришельцу с предгорья далеких Карпат
Вся Русь здѣсь кадит ѳиміам.

Здѣсь он с Калитою устраивал рать.
Намѣтив зиждительный путь,
Как русскія земли въедино собрать,
Татарское иго свергнуть.

И чудо свершилось святаго Петра:
Сплотились князья при Донском —
И спала чужого насилья кора,
И новый начался подъем

Великой и Малой и Бѣлой Руси
Спаялися звенья давно,
И только Карпатской, Червонной Руси
Еще сиротѣет звено.

Спасителю, Петре! Ужель Ты забыл
Покинутый Галич родной?
Ужель Ты не видишь развалин, могил,
Не внемлешь мольбѣ их глухой?

Когда же свершишь для своих земляков
Ты чудо из лучших чудес:
Избавишь от ига и рабских оков,
И дашь, чтобы Галич воскрес?

С надеждой, с тоскою у раки Твоей,
Колѣни склонив, я скорблю —
И стоны несчастной отчизны моей
Услышать, услышать молю!

Москва, 1908 г.

НА ВЗЯТІЕ КІЕВА ЛЯХАМИ

Ликуйте, паны, и рыдайте, поляки.
Праматерь Россіи поругана вами.
Славянство разбито мечем забіяки,
Измѣной отродья и дружбы лгунами.

* * *

За вашу свободу Русь крови лишилась
И вас наградила полетом орлиным,
А вы ту ненависть, что только изжилась,
Опять воскресили ляганьем ослиным......

* * *

И небо стыдится таких злодѣяній —
Луна покраснѣла, лицо закрывая,
В тот вечер печальный, когда средь терзаній,
Пал Кіев, поруган наѣздом гультая.

* * *

«Щербец» Болеслава Врата Золотыя
Вторично позорит в заносчивой дракѣ —
Запомнят обиду бойцы молодые —
Ликуйте, паны, но рыдайте — поляки!

Нью Іорк, 1920 г.

ТАЛЕРГОФ.

Проклятая долина Талергофа,
Твои кресты рифмуют мнѣ — Голгоѳа,
А ряд могил, распаханных под поле —
Нестертый слѣд позора и недоли.

Здѣсь мой отец замученный врагами,
Нераз за Русь молился со слезами,
А вражій страж ударами приклада
Ему внѣдрял обязанности ада.

Больная тѣнь, он, на гнилой соломѣ,
Годами здѣсь протосковал о домѣ,
Сам полутруп, других больных таская,
И мертвецам зѣницы закрывая.

О, сколько их, таких отцов безвинных,
Замученных в нѣмых могилах длинных,
О сколько жалоб, скорби и печали
Погребено в угрюмой этой дали...

Лѣта минут и сказ ея мученій
Пройдет из уст в цѣпь новых поколѣній —
Как жертвенник родного искупленья,
Как заповѣдь грядущаго отмщенья.

Поѣздом из Любляны в Вѣну, 1919 г.

БРАТСКІЯ МОГИЛЫ ВО ФРАНЦІИ.

Из свободной земли Вашингтона
И под знаменем звѣздным его,
На борьбу за святыню закона
И поруганных прав торжество —

Вы проплыли всю ширь океана
И в окопах чужбинной земли
От тевтонских ядер урагана
Смертью храбрых на-вѣк полегли!...

С вами рядом герои другіе,
Что сражались за всѣх и за вся,
Гдѣ велѣли владыки Россіи,
Всюду кровную жертву неся —

И свои здѣсь посѣяли кости
За вертеп всего міра — Париж,
Что, спасясь, предал Ляхам со злости
Нашу Русь, как коварный слѣпыш....

О, невольно вопрос шевелится,
Созерцая ряд ваших могил,
Нужно-ль было героям томиться
И терять столько жизненных сил,

Чтоб держать гордый флаг Вашингтона
Для охраны — парижских блудниц
И спасенья англійскаго трона —
От прямого крушенія ниц?!

Париж, 1919 г.

ГАЛИЧИНА.

Всюды добре, а дома найлѣпше...
Малорусская пословица.

Вы знаете-ль мою страну,..
Мою Галичину родную,
Вы знаете-ль ея весну,
Весну полудня золотую?

Красы ея пышнѣе, ярче,
Душистѣе ея цвѣты,
Луч солнечный свѣтлѣе, жарче,
Сочнѣе злаки и листы.

Там наливнѣй и жита колос,
Блестящѣй и небес роса...
Зато там глуше правды голос,
Зато горячѣй и слеза....

Но среди горя, зла и бѣд,
Там мнѣ дороже жизнь родная,
Там всѣ свои, там лучше свѣт,
Там солнце нѣги, нѣга рая....

Петроград, 1895 г.

ПО КОЛЯДѢ.

Со звѣздою
С колядою
Мальчики идут,
— Бог родился,
Воплотился —
Трепетно поютъ.

В избах хвои,
Как налои,
Радостно блестят,
А в окошкѣ
Всюду плошки
Весело горят.

Христославы
Для забавы
Стали под окном,
Колядуют
И щедруют
Тонким голоском.

Им выносят,
В хату просят
О Младенцѣ пѣть,
Кто страдая,
Изнывая,
Всѣх учил жалѣть.

Городок, 1893 г.

II.

СЛАВЯНСКІЯ СВИРѢЛИ

СЛАВЯНСКІЙ ОРЕЛ.

Треглавый орел, славянскій орел,
Ужель опустил свои крылья?
В пареньи своем зенит ли обрѣл,
Иль немощь терзает безсилья?

* * *

Не рано ли стих шум крыльев твоих,
Не скоро ли силы сломало?
Ты выси такой еще не достиг,
Чтоб солнце тебя ревновало!

* * *

Даны тебѣ в путь на мощную грудь
Судьбой три главы удалыя —
Трех рас ты впитал исконную суть,
Три цѣли сопряг вѣковыя.

* * *

Ты средней главой славянской стезей
За свѣтом направился к югу,
Чтоб силы себѣ набрать огневой —
Дать волю и брату и другу.

* * *

Восточной главой — монгольской тропой
Стремился давно к океану,
Чтоб мощь закалить в грозѣ боевой,
Дать мысли Христовой охрану.

А третьей главой, варяжской волной
Ты Запада черпал познанья,
Чтоб міру явить счастливѣйшій строй,
Уладив людей достоянья.

* * *

Развѣял-ли ты всѣ эти мечты,
Парить ли за ними нѣт мочи, . .
Иль алый туман и даль высоты
Смежают пугливыя очи?

* * *

Взгляни лишь вокруг на Запад, на Юг,
Утроится павшая сила —
Восторг исцѣлит безволья недуг,
Расправит повисшія крыла.

* * *

Вот—гребни Карпат, гдѣ стая орлят
Зовет, расторгнувши оковы.
Ужели тебѣ, израненный брат,
Не слышны бодрящіе зовы?

* * *

Из дальних Судет шлют братскій привѣт
Тебѣ сокола Яна Гуса,
Воскресли они, и в дружный совѣт
Ужели сомкнутся без Руса?

* * *

С Динарских вершин, с Балканских стремнин
Омоченных русскою кровью,
С Триглава зубцов и Савских долин
Тебя подкрѣплят всѣ любовью.

И даже в Познань ревнивую взглянь
И там, в упоеньи судьбою,
Взывают к тебѣ, треглавый, воспрянь,
И бѣлый орел за тобою!

* * *

Громи же раскол, славянскій орел,
Пари в поднебесье смѣлѣе,
Все выше вперед, твой жребій расцвѣл
И цѣль озарилась яснѣе.

* * *

Оправься от ран, разчисти туман,
Взмахни огневыми крылами,
Превыси орлов завистливых стран
Свободы и права дарами!

Прага.

СЛАВЯНСКАЯ СТРАЖА.

К Дунаю, Славяне, к Дунаю,
К исконно-славянскому краю
Всѣ помыслы ваши несите,
И в грозном бою
За долю волю
Вы с помощью братьям спѣшите.

Дунай — колыбель нашей славы,
Гнѣздо он — славянской державы,
При Сам-Царѣ прадѣды наши
Там бились с врагом,
Хранили свой дом
И пили медовыя чаши.

Царь Сам трех имѣл сыновей,
Трех истинных богатырей,
И звали их: Чех, Лях и Рус,
При смерти отец
Тому дал вѣнец —
Кто вражьих не вынесет уз!

И братья пустилися в мiр,
Свобода их вѣчный кумир,
И бьются с тѣх пор без конца
За имя, за волю,
За лучшую долю,
За гордый завѣт их отца...

Забыли сыны о Дунаѣ,
Иныя нагрянули стаи
И заняли прадѣдов нивы,
Но с давних времен
Зовет нас трезвон
Туда, гдѣ Дуная разливы.

Там грянет послѣдній наш бой,
Давно предрѣшенный судьбой,
Найдется и доля родная,
И там уж стоит,
И братьям трубит
Славянская стража Дуная.

Вѣна, 1903 г.

ИЗ «РАБСКИХ ПѢСЕН» СВЯТОПОЛКА ЧЕХА.

Злѣйшее проклятье наше,
Худшій наш недуг —
Не неволя, не оковы,
Нѣт, а — рабскій дух!
Вы взгляните, сколько гнили
У себя мы загнѣздили,
Что за мразь вездѣ таится,
Сколько гнусностей вершится?!
Наши гады —
Пред чужими пользать рады,
На своих шипѣть бы вслух:

Вон тот раб, он для надзора
Подрядился к нам.
Как гнетет нас и как мучит
Этот льстивый хам!
За кусок поденный хлѣба
Продает он душу, небо....
И, как рьяная скотина,
Ловит взгляды властелина
Чтоб скорѣе —
Драть, терзать нас, и больнѣе,
Бозпощаднѣй, чѣм враг сам.

Вон-другіе: эти свыклись
С игом рабства так,
Что сгибают сами спину,
Чтобы хлестал их враг.
И стремглав к нему несутся,
Хоть одежды бы коснуться,

Сыпать розы под тѣ ноги,
Что их топчут на дорогѣ.
Их отрада —
Удостоиться хоть взгляда,
Лобызать хоть вражій шаг!

А иные вѣчной травлей
И грызней живут.
Тѣ для вражеской услады
Все друг друга бьют.
Брат на брата шлет доносы,
На отца сын точит косы,
Тѣ — извѣтом, клеветами,
Губят избранных рядами:
Верх их счастья —
Видѣть жертву чужевластья,
Как на казнь ее ведут!

И возможно ли с такими
Хоть бы помечтать
О свободѣ и о волѣ,
И к борьбѣ взывать?!
Ах, нигдѣ свободы дѣло
Зародиться не успѣло,
Гдѣ царит измѣна-ссора,
Мелких, злобных трусов свора!
И покуда —
Бог не даст согласья чуда,
Все нам в рабствѣ изнывать!

Вѣна, 1902 г.

СЛАВЯНСКІЙ ВѢК.

Без вѣры в грядущее счастье людей,
Надежды на вѣк золотой,
Кто жить бы возмог!
Он проклял бы Сѣмя зачатія дней,
Разрушил алтарь пресвятой
И сжег бы чертог,
Гдѣ Имя Того призывается всуе,
Кто глух к пѣснопѣньям, псалмам, аллилуѣ!...

* * *

За что-ж был прикован к скалѣ Прометей?
Распят на Голгоѳѣ Христос,
Испеплен Ян Гус —
Коль жертвы напрасны для Свѣта идей
И должен сгущаться Хаос,
А Злоба и Гнус
Терзать безконечно подобіе Божье,
Готовя всю землю для Ада в подножье?

* * *

Нѣт, нѣт! И нынѣ ступил Человѣк
По Лѣсницѣ Якова ввысь
На новый порог:
Славянскій забрезжил в дѣяніях Вѣк —
Согласья вселенскаго близь . . . .
— И есть еще Бог —
Вѣщают народам в угарном туманѣ —
Распятая Русь да изгои-славяне!. . . .

Калуга, 1917 г.

СЛАВЯНСКИМ ПЕРВОУЧИТЕЛЯМ КИРИЛЛУ И МЕѲОДІЮ.

О, Просвѣтители Славян,
Единства нашего пророки!
Воззрите с выси, как жестоки
Бичи судьбы на русскій стан,
Какія тяжкія оковы
Надѣл на нас Антихрист новый,
Нѣмецкій Тамерлан!

Гдѣ-ж нам о Славія мечтать,
Когда уж нѣт Руси Единой,
Когда кровавою дружиной
Растерзана Славянства Мать?
Славяне-ж — мразь чужого плѣна,
Иль только мелочь для размѣна,
Иль купленная рать?!

Кирилица давным давно
Исчезла в вашем Велеградѣ,
Заглохла, было, и в Бѣлградѣ,
И даже там, гдѣ Петр окно
Пробил ей русскими полками,
Над ней коварными руками
Копье занесено!

— Кирилицу-бы упростить —
Был клич. И в день поминовенья
Скрижалей ваших просвѣщенья
Порвали вѣковую нить:
Ученых сонм, под гнетом черни,
В угоду лженаучной сквернѣ,
Принялся Азбуку рубить!

Но всуе не прошел удар:
Лишь свѣт померк, как, всѣм на чудо,
Христос исчез, влетѣл Іуда,
За ним зардѣл такой угар,
Что доблестное наше племя
Постило вмиг страдное бремя
Тягчайшей из всѣх кар.

За тридцать гривен их бумаг
Продали Имя, Волю, Славу,
Растлили Русскую Державу,
Разрушили родной очаг!
— Глотайте-ж деньги, вмѣсто хлѣба,
Вкусите Ада, вмѣсто Неба —
Глумится нынѣ враг.

Разбит, развален древній свод,
Гдѣ вы стремились пятиглавый
Собор создать священный Славы,
Под самый небосвод,
Гдѣ всѣ бы братья: Чех с Словаком,
Болгарин, Серб и Рус с Поляком —
Вѣнчали свой народ!

О, благовѣстники Славян,
Единомыслія пророки!
Сошлите нам благіе сроки
И счастья новый талисман,
Да, искупив вину страданьем,
Пребудем грозным назиданьем
Для всѣх времен и стран!

Москва, 11 мая 1918 г.

ВИДѢНІЕ.

Когда во глубь вѣков грядущих
Вперяю свой пытливый взор
И во видѣніях встающих
Судьбы читаю приговор —

Судьбы народов и племен
И отдаленнѣйших времен, —

Я за славянство не страдаю,
Я вижу чудный ряд картин
И в умильеньи восклицаю:
Я славянин, я славянин!

* * *

Над полумѣсяцем Софіи
Блестит турецкая звѣзда
И не дает заснуть Россіи
И будит Руси города...

И снова-снова посылает
Полки вся Русь как было встарь,
Опять восток в крови пылает
И землю всю объял пожар...

Но, чу! в Босфорѣ слышны клики,
Ура, побѣдные бойцы!
И гимны новаго владыки
Звенят-звенят во всѣ концы...

Гляжу на купол величавый,
Ползут, как мухи, казаки,
Остановились дѣти Славы,
Стоят, как вкопаны, полки...

Лишь миг — смѣльчак уж на верхушкѣ, —
Раздался стройный благовѣст,
Над полумѣсяцем, в макушкѣ,
Сверкнул опять побѣдный крест!...

Вѣна, 1900 г.

МАНТРА.

(Посвящается И. В. Манзіарли, переводчицѣ «Багавад-диты» на русскій язык).

Мы встрѣтились случайно:
Двѣ в Космосѣ скрестилися Монады
И Мантра дала звук и мыслей миріады
Зажгли дремавших чувств блеснувшія плеяды,
И объявилась тайна:

Открыть слѣпцам Славян призванье —
Как Логоса предначертанье,
Гармоньи сфер очередной аккорд,
Завѣта Третьяго скрижали —
Согласья міра без печали,
Прообраз тѣм, кто был безмѣрно горд.

И выяснилась цѣль —
Уже в ночной тиши румянится денница
И в путь спѣшит славянства колесница,
Везомая Адама в колыбель —

А в ней, средь лотосов и лилій,
Вы, в заревѣ святых воскрылій —
Арійства семизвучная цѣвница,
Я — скромная славянская свирѣль.

Париж, 1919 г.

У ПАМЯТНИКА КОЛУМБА.

Его крестили Христофором,
И он Христа за океан пронес,
И славным звѣздным омофором
Америку благословил Христос.....

* * *

И всѣ, что за Христа страдали,
Убѣжище в ней вѣрное нашли,
И новь свободной этой дали
Воздѣлали под сущій рай земли.

* * *

Честь велика для Христофора,
Но все-ж не ОН Америку открыл,
Вѣдь до него на берег Лабрадора
Ян Кольный наш свой якорь опустил!

Нью Іорк, 1920 г.

В ДУБРОВНИКѢ.

(Экспромит на островѣ Локрумѣ пред собравшимися славянскими гостями).

Дубровник ясный! вешняя природа —
В тебѣ все дивно — зелень, воздух, море,
И только — горе, о большое горе,
Недостает лишь: гордая свобода!

Но лишь сдружитесь, братья всеславяне,
И заиграет это Сине-море,
И мы разсѣем вѣковое горе,
И мы залечим вѣковыя раны,
И всѣ свободны будем — гей славяне...

Локрум, 1901 г.

РОКОВОЙ ГОД.

Что принесет
Нам Новый Год?

Оливковую-ли вѣтвь заждавшагося мира,
Иль свѣжій проливень кроваваго потопа?
Устанет ли гремѣть палачная сѣкира
И успокоится-ль бурливая Европа.
Иль не одна еще багряная порфира
Паденьем усладит мятежнаго холопа,

И гимн свобод
Под небосвод
Вселенну оглашая,
Нас заманит
И обольстит
Преддверьем злачным рая?

Войдет ли сирота-Карпат
В чертог семьи родного края
И позовет ли русскій брат
На свадьбу Волги и Дуная —

Событій в гущѣ не видать.....
Но голос вѣщій явно слышен:
Удѣл Славян, пребудь возвышен,
Вѣнец, Тебѣ, Россія-Мать!

Нью Іорк, 1920 г.

III.

ТРУБНЫЕ КЛИЧИ.

ЗА РУСЬ, ЗА РУСЬ!

(Слова к студенческому маршу).

Посвящается русскому студенческому обществу «Буковина» в Вѣнѣ.

За Русь, за Русь, святую Русь,
Вперед на бой, никто не трусь...
Идет наш вѣк — любви, добра,
Вперед-же Русь, ура, ура!...

Лѣт тысячу был вѣк романскій,
Вторую тысячу — германскій,
А третья тысяча пришла —
Тут нас судьба и призвала,
Ура, наш вѣк русско-славянскій....
Идет наш вѣк любви, добра,
Вперед-же Русь, ура, ура, ура!

На нашем знамени — народ,
Мы дружно с ним идем вперед,
Народ Богдана и Петра,
Святая Русь, ура, ура!...

Он побѣдил мір басурманскій,
Сберег нам свѣточ христіанскій,
Горя любовію святой,
За братьев жертвовал собой,
Ура, народ русско-славянскій!
    Идет наш вѣк любви, добра,
    Вперед-же Русь, ура, ура!...

Могуч был Рим — его рабов
Очеловѣчил свѣт Христов,
Но ненасытный капитал
Людей в ярмо вновь заковал...
    И кто-же им вернет свободу,
    Кто правду даст людскому роду?

Лишь тот народ, что в жертву кровь
Несет за братство, за любовь,
Вот жребій русскому народу!
    Идет наш вѣк любви, добра,
    Вперед-же Русь, ура, ура!...

Вѣна, 1897 г.

ПОРА, ПОРА ЗА РУСЬ СВЯТУЮ!

(Переложеніе с І. Яворскаго).

Пора, пора за Русь Святую
Идти сынам на бой! Ура!
За недѣлимую, родную,
Подняться всѣм давно пора!

Бог, нам поможет, Бог за нами,
Встань же народ, в себя взгляни!
Смѣло ступай отцов стопами,
Русскую Землю намъ храни!

Пора, пора всѣм слабым, сирым
Под знамя русское спѣшить.
Кто хочет жить в любви и с миром,
Тот должен вѣрно Русь любить.

Славный, великій русскій геній
Двинет на бой Руси сынов!
Всѣ отдадут без сожалѣній,
Жизни свои за Русь отцов!

Пора будить могучим хором
Всѣх, кто сторонится, дремля,
Пора гремѣть святым укором —
«На Руси — Русская земля!»

Прочь, дух сомнѣній, рознь змѣина,
Прочь, козни хитрыя лжеца!
Русь — недѣлима, Русь — едина!
Здравствуй же, Русь! Горѣ сердца!

ВПЕРЕД!

Вперед, народ Руси Червонной,
На бой, на бой, против врагов,
Довольно на землѣ исконной,
Нам крови, тюрем и оков.

Вперед, сыны Руси единой,
За Родину, святую Мать,
Довольно нечисти змѣиной
Ее безславить и терзать.

Как солнце рдѣет наше знамя,
Оно растопит хлад сердец,
В душѣ горит святое пламя,
Суля побѣду и вѣнец.

Долой погромы, бойни, казни,
Довольно смуты и разрух,
Смѣлѣй ступаем без боязни,
Нас окрыляет русскій дух.

Да сгинут всѣ исчадья Ада,
Чьей злобой Русь разорена,
И мы увидим сѣмя лада
И да воскреснет вся страна.

Вперед от Тиссы до Амура,
Карпат, Урал, Кавказ, Алтай,
Да оживет Руси культура,
Да будет вольным русскій край.

Да будет слышен русскій голос
На сонмѣ всѣх племен земли
И да избавит сочный колос
Всю Русь от голода и тли.

Забудем споры и раздоры,
Кто любит жизнь, вперед, вперед,
И дружно возстановим скоро
Великій русскій мы народ.

И заживем тогда счастливо
Без крови, тюрем и оков,
Вперед за горы, долы, нивы,
Вперед за Русь — и на врагов!

Одесса, 1918 г.

РУССКІЙ ФЛАГ.

(Послѣ изгнанія Петлюровцев из Одессы).

Привѣт тебѣ, мой флаг трехцвѣтный,
О, знамя дѣдов и отцов,
Ласкает вновь узор завѣтный
Столицу южных городов.

Так гордо рѣй-же, русскій флаг,
Свободы, вѣры, мира знак, —
Голубо-желтый австріак
Да скроется во мрак!

Скрывался долго ты, наш плѣнник,
В задворках, мусорѣ, грязи,
И красовался злой измѣнник
На каждом домѣ и стези.

Так гордо рѣй-же, русскій флаг,
Свободы, вѣры, мира знак, —
Голубо-желтый австріак
Да скроется во мрак!

В твоих цвѣтах залог извѣстный:
Цвѣт красный — то свободы кровь,
А синій — вѣры цвѣт небесный,
А бѣлый — мир и лад-любовь!

Так гордо рѣй-же, русскій флаг,
Свободы, вѣры, мира знак, —
Голубо-желтый австріак
Да скроется во мрак!

Цвѣт желтый злобу знаменует
И шаткость вѣры — голубой,
По ладу русскій взор тоскует,
И в тріединствѣ лад родной.

Так гордо рѣй-же, русскій флаг,
Свободы, вѣры, мира знак, —
Голубо-желтый австріак
Да скроется во мрак!

Три вѣтви русскаго народа
В твоих цвѣтах сочетаны,
Ты завѣщался в род из рода
На ободренье всей страны.

Так гордо рѣй-же ты в выси
Соборный флаг всей Руси, —
Голубо-желтый австріак
Да скроется во мрак!

Цвѣт алый — цвѣт Руси Червоной,
А Малой Руси то очаг,
Цвѣт синій — сѣверной исконной,
А бѣлый — Руси Бѣлой стяг.

Так гордо рѣй-же ты в выси
Соборный флаг всей Руси, —
Голубо-желтый австріак
Да скроется во мрак!

Лишь в единеньи наша сила
И возрожденія зерно,
А в злобѣ, зависти — могила,
Скорѣй-же Русь — к звену звено!

Так гордо рѣй-же, русскій флаг,
Свободы, вѣры, мира знак, —
Голубо-желтый австріак —
Аминь, разсыпься ты во мрак!

Одесса, 1918 г.

СОКОЛЬСКІЙ МАРШ.

(Посвящается Іосифу Копыстянскому в Акронѣ, возобновителю дружин О. О. Гецева, и П. М. Мацкову, редактору «Сокола Соединенія» в Гомстэд, Па.

Гей Сокола, собирайтесь в ряды,
Крѣпкія мышцы не знают бѣды!
Крѣпкія мышцы и смѣлый размах
Грозный навѣют на ворога страх.

Слеты, ученья и сознанный труд
Вольную Славію нам создадут,
Гдѣ Славянин заживет равноправно —
Стройно, Свободно, Соборно и Славно! —

Гей Сокола, выступайте в ряды,
Гей, выручайте народ из бѣды!....

Гей Сокола из Зеленых Карпат,
Помните всѣ, что окован ваш брат.
Кто-же оковы ему расклюет,
Знамя свободы над ним разовьет?

Только отвагой дружин трудовых
Кончится мрак грабежей боевых,
И Человѣк заживет плодотворно —
Славно, Свободно и Стройно, Соборно.

Гей Сокола, выступайте в ряды.
Гей выручайте народ из бѣды!

Гей Сокола, выступайте за Русь,
Смѣло вперед и никто-же не трусь!
Русь, что распялась за братство, за мир,
Русь сокрушит всякій ложный кумир.

Русь озарит новым свѣтом людей,
Русь водворит новый лад без цѣпей,
Гдѣ Человѣк заживет преспокойно —
Славно, Свободно, Соборно и Стройно.

Гей Сокола, выступайте в ряды.
Вы лишь спасете народ из бѣды.

Акрон, 1920 г.

«ЖИВОМУ СЛОВУ».

(Карпаторусскому журналу во Львовѣ, 1899 г.).

Привѣт тебѣ «Живое Слово»,
И пожеланье: «в добрый час»!
Среди безмолвія родного
Ты к новой жизни будишь нас...

Вдохни-ж в извѣрившихся вѣру,
Заглохших в спячкѣ пробуди,
Измѣннику и лицемѣру
Упрек народный ты тверди!

Завѣты предков воскрешая,
Ты нас туда веди вперед,
Куда от края и до края
Стремится русскій весь народ.

Прочь всѣ преграды и препоны!
Вѣдь в царствѣ духа нѣт преград,
Пусть Русь услышит наши стоны
И пусть над братом плачет брат.

Скорбя об участи суровой,
Ты нам в грядущем укажи
Хоть призрак счастья жизни новой,
Без гнета, без мертвящей лжи...

И мы, увидѣв луч свободы,
Помчимся дружно за тобой
И одолѣем всѣ невзгоды
И обновим наш край родной...

Вѣна, 1899 г.

МОЛОДОЕ ПОКОЛѢНЬЕ.

Нѣт, нѣт, не тщетно, не напрасно
Ждет молодое поколѣнье
От будущаго ежечасно
Великих, свѣтлых откровенiй.

Оно томится и тоскует,
Волнуется не без причины, —
Его несказанно бичует
Безцвѣтность — бич лихой годины.

Чему, чему-ж ему отдаться?
Вездѣ корысть и кривды злоба,
За что-ж, за что-ж ему приняться,
За что быть жертвою до гроба?....

Нельзя вѣдь от поры холодной
Ждать ни тепла, ни блеска свѣта,
А быстро, чередой безплодной,
Грозит пройти за лѣтом лѣто...

И молодежь молчит, но чает,
Что миг придет, тот миг желанный,
Когда луч правды заблистает
Как гость внезапный и нежданный,

И пред зарею откровенiй
Зло и неправда содрогнется, —
Тогда ряд юных поколѣнiй
В пучину дѣла окунется....

Вѣна, 1894 г.

КАЗАКИ.

«За вѣру, за народ»!.. послѣдній раз
Крестом благословил козацкій поп
Благочестивыя войска... тотчас
Рать двинулась... раздался конскій топ
По низовым украинским шляхам...
Вперед, вперед, погибель палачам!

Вперед, на выручку несчастным братьям,
Замученным свирѣпыми панами,
Дать волю мести, карѣ и проклятьям,
Открыть народный суд над палачами!
Вперед, вперед, как соколы степные,
Летят на брань казаки удалые....

И страх объял вельможных «королят»,
Дружины их к казакам пристают,
И с ужасом они в костел спѣшат
И Dies irae с трепетом поют.
Орган гудит по дням и по ночам,
Извнѣ-же вторит крик: смерть палачам!

Пожар... рѣзня... народная расправа,
— Кто трижды крестится, тому пощада,
— Кто нѣт, тому конец, — вопит орава.
И в назиданіе вблизи посада
Повѣшены пан, іезуит, собака,
Под надписью: то вѣра одинака...

Вѣна, 1899 г.

КАРПАТОРУССКИМ МАЛЮТКАМ.

(В «Вѣночек для русских дѣточек»).

Вам, Карпатскія малютки,
Посвящаем эти строки,
Но не басни, прибаутки
Будем пѣть вам в час жестокій.

А гуцульскою трембитой,
Скорбью-жалостью повитой,
Пѣть любовь к Руси распятой,
Смерти крыльями объятой.

Нью Іоркъ, 1920 г.

ОБЩЕСТВУ ВЗАИМОПОМОЩИ.

(Экспромт на XI. Юбилейной Конвенціи).

Взаимопомощь — знамя наше!
Взаимность братьев и сестер,
Чтоб Русь вездѣ цвѣтилась краше,
И Бог над нею длань простер.

Чтоб на землѣ любовь лелѣять,
Вдов-сирот слезы отирать,
Единства сѣмя всюду сѣять,
Храня Господню благодать.

Вилкес-Барре, 7 іюня 1920 г.

МРАКОБѢСАМ.

(На мотив «Шалѣйте, шалѣйте, скажены каты»).

Бѣснуйтесь, бѣснуйтесь, служители тьмы,
Гасите, тушите сознанія свѣт,
Вам Церкви не снизить на степень тюрьмы,
Народ просвѣщенный отвѣтит вам — нѣт!

Вѣдь, Бог правду видит и ждите удара:
Грозна, грозна, грозна ваша кара!..

Гуляйте, пируйте, развратным житьем
Позорьте вы митры в притонах блудниц,
Вам Церкви не бросить в продажный Содом,
Народ просвѣщенный низринет вас — ниц.

Вѣдь, Бог правду скажет и ждите удара:
Грозна, грозна, грозна ваша кара!..

Распутин сильнѣе был вас во-сто крат,
И он не разрушил церковный очаг,
Распутинцы всюду с престолов летят,
Народ просвѣщенный почуял, гдѣ враг.

И Бог вас накажет и ждите удара:
Грозна, грозна, грозна ваша кара!..

Нью Іорк, 1920 г.

КАРПАТОРУССКИМ СИРОТАМ В СПРИНГФИЛЬДСКОМ ПРІЮТѢ НА КРАСНОЕ ЯИЧКО.

Слезы сиротскія,
Слезы сиротскія,
Льетесь вы с раннею,
С поздней молитвою,

Перед житейскою
Грозною битвою,
Льетесь — незримыя,
Неистощимыя,

Льетесь несмѣтныя
И безпросвѣтныя,
Под неизбывныя
Пени господскія.

*

Гдѣ вы ни капнете,
Зрѣют там цвѣтики,
Все незабудочки
С синими глазками,

Манят вас ласками,
Дразнят вас сказками,
Ласками нѣжными
И безмятежными,

Сказками странными
И безпрестанными,
Вѣчно терзая вас,
Крошечки — свѣтики.

Кто же утѣшит вас,
Сироты бѣдныя?
Кто приголубит вас
Перед злой бурею,

Кѣм же разведрятся
Личики хмурыя? —
Люди бездѣтныя,
Сестры завѣтныя,

В день Воскресенія,
Смерти забвенія,
С вами схристосуют —
Пѣсни побѣдныя....

Нью Іорк, 1920 г.

АМЕРИКА — РОССІЯ НА ВѢКѢ ДВѢ СЕСТРЫ.

(По поводу Американской ноты 1920 г.).
(На мотив: «Напрей застава Славы»).

О, звѣзды Вашингтона,
Из-за громовых туч
Вы впору нам блеснули,
Послав надежды луч.

Вы русскія обиды
Раскрыли на весь мір,
И обличили жадный
Торгашества кумир.

И пусть пожнут другіе
Безчестія дары —
Америка — Россія
На вѣки двѣ сестры!

* * *

О, звѣзды Вашингтона,
Давно-ль вас охранял
Двойной судов оградой
Лисовскій адмирал?

И блеск ваш омраченный
Усилил русскій свѣт,
Как вѣрности и дружбы
Незыблемый завѣт.

Нас узы вѣковыя
И вяжут с той поры —
Америка — Россія
На вѣки двѣ сестры!

О, козни Албіона,
Ваш обличен позор,
На крест Руси распятой
Людской направлен взор.

И камни гробовые
Уж дрогнули земли,
И чудо воскресенья
Готовится вдали.

Пускай палят другіе
Побѣдные костры —
Америка — Россія
На вѣки двѣ сестры!

* * *

На знамени трехцвѣтном
Мы звѣзды подберем
И, в отблеск синегранным,
Мы красныя нашьем.

Держав Соединенных
Востока новый флаг
Зардѣет с синезвѣздным,
Как вѣчной дружбы знак.

И узы неземныя
Заключим с той поры —
Америка — Россія ..
На вѣки двѣ сестры! ..

Нью Іорк, 1920 г.

ПРЕКРАСНОЙ ФРАНЦІИ.

(Послѣ мирной конференціи в Парижѣ).

Прекрасная Франція в дѣтствѣ была —
Пречистою Женевіевой.
    В дни юности Франція всюду слыла —
    Святой Орлеанскою Дѣвой.

В дни зрѣлости мір удивил Робеспьер
Марьянной, шантанной дѣвицей.
    А что же из Франціи вышло теперь? —
    Предстала — вселенской блудницей....

Париж, 1919 г.

ОБЗОР ИСТОРІИ РУСИ.

В удѣльный період Руси —
    Все Варяги, все князья, да их троны,
В Московское время царей —
    Татарва да опричня-шпіоны,
В Имперской «Руссляндіи» кто? —
    Нѣмчура, все лишь фоны-бароны,
В Республикѣ большевиков —
    Больше «маски» да «берги» да «зоны»...
Неужели я так не дождусь —
    Что Славянскою будет вся Русь?!
Будет, будет — в періоды оны —
    Когда Русью заправят — Масоны!....

Нью Іорк, 1919 г.

ПѢСНЬ «ЛУЧШЕВИКОВ».

Вперед за работу, вставайте дружнѣе,
В любовном трудѣ благоденствія суть,
Пусть молот и серп обнимуться нѣжнѣе
И пламя науки освѣтит им путь!.

Долой всѣ преграды для рыцарей духа,
В нас каждом таится лицо Божества,
Во имя Его да исчезнет разруха
И всѣ доживьем мы любви торжества.

Мы цѣпи расплавим и, полные братства,
Незыблемый мир на землѣ водворим,
Уладим всѣ споры бѣды и богатства —
Мы Землю невѣстой Творцу снарядим.

Мы в пояс желѣзный ее опояшем
От Мыса Надежды до Новой Земли,
Мы тундры и тайги и пущи распашем,
И рай будет там, гдѣ колючки цвѣли....

Мы воздух и море и нѣдра измѣрим,
Волшебною силой, что в небѣ зарнит,
Мы старыя сказки в полетѣ провѣрим
И счастья предѣльный откроем зенит.

Нью Іорк, 15 августа, 1920 г.

МОЯ ПѢСНЯ.

Я живу беззаботно,
Только пѣсней своей,
И свободно, охотно
Я пою для людей.

И восторги и стоны
Смѣло в ней я пою,
Никакiе законы
Пѣснь не сгубят мою...

И отважным напѣвом
Раздается она,
Дыша правдой и гнѣвом
Справедливым полна...

И лишь только коснется
Она слуха чьего,
Совѣсть-сердце проснется
В нем от сна своего...

Мнѣ-б лишь голос звучнѣе
И лишь звуки нѣжнѣй,
Унялись-бы злодѣи
В дикой злобѣ своей...

Тогда правда настала-б
И свобода, божусь,
И спасибо сказал-б
Пѣвцу Матушка-Русь!

Петроград, 1895 г.

IV.

ЛАВРЫ БАЯНАМ.

А. С. ПУШКИНУ.

(К столѣтней годовщинѣ рожденія).

I.

Хотя в благоговѣйном хорѣ
Поющих Пушкину хвалу
Стихи мои, как капля в морѣ,
Как искра в огненном пылу,

Исчезнут, — я хотѣл дерзнуть
Пѣвца по своему возславить,
Воспѣть того, кто мог наставить
Меня на благодатный путь,

На путь молитв и пѣснопѣній,
На путь мучительных волненій,
За свой народ, за Русь святую,
За родины неволю злую,

За крест ея, удѣл печальный,
Вѣнец терновый, погребальный,
За все, за все, чѣм жить могу,
Пока в борьбѣ изнемогу!...

Вѣна, 1899 г.

II.

Им хорошо, пѣвцам Руси державной,
Им геніев своих не трудно воспѣвать!
По образцам баянов стаи славной
Легко им пѣсни пѣть, легко их и слагать!

Но нам, сынам той Руси подъяремной,
Что вѣк шестой уже ярем чужой влачит,
Нам, рвущимся из темноты тюремной,
Гдѣ нам учиться пѣть, и нас кто вдохновить?

И мы поем нескладно и, как знаем,
И трудно нам ласкать пѣснолюбивый слух,
Но в пѣснях наших вѣрно сохраняем
Огонь любви к Руси и святорусскій дух!...

III.

Тот свѣт, что Володимір князь
По всей Руси зажег,
Тот дух — на нашей родинѣ
Давным давно бы мог

Погаснуть, улетучиться....
И в копоти чужой
Нераз и задыхался он....
Но всякій раз живой

Пахнул дух русскій в нашу Русь —
И ожил, не потух,
И вспыхнул ярким пламенем
Наш святорусскій дух!

Пахнул раз дух Хмѣльницкаго,
Казаков удалых,
Потом и Гонта мстительный
Пріободрил родных, —

А там пришли будители,
Вдохнули в наш народ
Струю, какою и досель
Он дышет и живет....

И крѣпнет Русь Червонная,
И не погибнут ей,
Пока стомилліонная
Там Русь стоит за ней!

«Едина, недѣлимая»,
Храни святой завѣт,
Стой-стой, непобѣдимая,
И обнови весь свѣт!

IV.

И кто же русскому народу,
Сынам Богдана и Петра,
Кто предсказал ему свободу
«В надеждѣ славы и добра?»

Кто нам из сказок пестротканных
Родную душу воскресил,
Кто нам из сумерок туманных
День полный славы возвѣстил?

То он, то Пушкин-первовѣстник
Пути Руси предначертал,
Он, вѣщих сил достойный крестник,
Нам будущее разгадал.

Блеснул и нам луч свѣтозарный,
И от восторженных сердец
Исходит голос благодарный:
Благословен будь Царь-Пѣвец!

Вѣна, 1899 г.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ.

Лермонтов, надорванный поэт!
Ты был все мнѣ свѣточ и отрада,
И хотя-б хулил тебя весь свѣт,
Как пѣвца отчаянья и ада,

Я предамся страстно сладким звукам
Пѣсен недосказанных твоих,
И, как ты, лишь горестям и мукам
Посвящу свой выстраданный стих....

Львов, 1894 г.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМУ.

Когда меня иль тайный грѣх гнетет,
Иль чуткой совѣсти казнят укоры,
К тебѣ, пророк, я обращаю взоры,
В тебѣ ищу отрады от невзгод.

Читая правду благодатных слов,
Какими ты всѣ унизал страницы,
Слезами я рошу свои рѣсницы,
Я каюсь, я перерождаюсь вновь....

И снова вѣру обрѣтаю я
В миг искупленья и улыбку счастья,
Любви, любви лишь больше и участья,
И сокрушится злоба бытія....

Вѣна, 1895 г.

КАНТАТА Н. В. ГОГОЛЮ.

(Слова к музыкѣ Л. Н. Архангельскаго).

Россіи Малой сын великій,
Сквозь смѣх пролившій Руси слезы,
При жизни Ты не знал, что розы,
Извѣдал лишь терновник дикій.

А нынѣ всѣ, Руси печальник,
Несут Тебѣ цвѣты и лавры,
Гремят всѣ трубы и литавры:
Словесности родоначальник!

О, Гоголь, геній безподобный,
Ты нам ограды лучшій щит —
При имени Твоем молчит
Всѣх отщепенцев регот злобный.

И Юга пламенныя чувства
И сѣверной тоски гипноз
Ты вылил, с чуткостью мимоз,
В алмазы вѣчные искусства.

И в имени Твоем священном
Всѣ русскія сверкают звенья,
Ты нам залог объединенья —
При раздѣленьи дерзновенном.

Вѣна, 1902 г.

ПАМЯТИ СВѢТОЗАРА ГУРБАНА-ВАЯНСКАГО.

(На его могилѣ в Турч. Мартинѣ, 16 августа 1919 г.).

Славянскій «батько» наш! Ты все из-за Карпат
Для омраченных Татр выглядывал денницы,
А я в Карпатах был и с Радковой бойницы —
В объятія к Тебѣ стремился, русскій брат.

Но Бог судил не то, — в Карпатах созрѣвал
По зависти вождей, в плѣну тевтонских козней,
Средь соглядатайства, предательства и розней,
«Руссляндіи» слѣпой неслыханный провал.

Крушенья русских сил не пережил твой взор,
На вѣк сомкнулся он на склонѣ сирой Фатры,
Кто будет воспѣвать нам Адрію и Татры,
Кто будет вдохновлять грядущій наш собор?

Увы, отвѣта нѣт, молчаніе кругом,
Лишь отдаленных стад бубенчики рокочут,
Лишь ласточки вблизи затѣйливо хлопочут,
Играя лавровым поблекнувшим вѣнком...

Но, чу! в развалинах Руссляндіи былой
Приподнимается Славянская Россія,
Как человѣчества замученный Мессія,
Как человѣчности защитник огневой.

Встает любимая, Святая наша Русь...
Воскреснувши, она Славян наладит звенья,
Поклонится земно пѣвцу объединенья
И памятник Тебѣ воздвигнет, я клянусь!

Словакія, 1919 г.

ПАМЯТИ А. И. ДОБРЯНСКАГО.

Почти столѣтіе трудился он
На полувспаханной славянской нивѣ,
Он сѣял сѣмя и мечтал о жнивѣ,
Но нѣт, не сбылся долгой жизни сон...

Полузабыт, он умер вдалекѣ
От родины, своих Карпат любимых,
По ней он много пролил слез незримых
И опочил в уныньи и тоскѣ.

Он вѣрил все, что колокол Софіи
Нас позовет на праздник всеславянства,
И с силой вѣкового постоянства
Пахал-пахал наперекор стихіи....

Его гнели, судили, но, кремень,
Он перенес всѣ кары, оскорбленья,
В безвременье, в час общаго смятенья,
Он все вѣщал, что близок-близок день.

Заря взошла.... но день еще далек...
И хоть сто лѣт он ждал его сіянья,
Хоть побѣдил всѣ муки и страданья,
Дожить до дня не дал суровый рок....

Но день придет!... забытаго признают,
Увидѣв всходы брошенных сѣмян,
И в гордом сонмѣ сплоченных славян
Его статую лавром увѣнчают....

Вѣна, 1901 г.

И. Ф. ГУНДУЛИЧУ.

(На съѣздѣ славянских журналистов в Дубровникѣ, 8-го апрѣля, 1901 г.).

О, Гундулич, взгляни, твоя сбылась мечта:
Славяне всѣ стоят у твоего подножья
И древній Влах святой с благословенья Божья
Встрѣчает всѣх родных под сѣнію креста...

О, Гундулич, взгляни, тот вѣковѣчный враг,
Против кого ты всѣх взывал к объединенью,
Почти уж побѣжден, он близок к распаденью,
И скоро-скоро наш блеснет в Царьградѣ стяг....

Врага низверг не тот, кого ты призывал,
А брат его родной, опора всеславянства,
Любовью братскою, во имя христіанства,
Он русскими костьми свершит твой идеал.

Любви той научил его родной твой брат,
Скиталец Крижанич, полузабытый геній,
С тобою он мечтал и в роѣ сновидѣній
Свободы всѣх славян он предвѣщал возврат.

И вникли, Гундулич, славяне в ваш завѣт,
И собрались сюда из сѣвера и юга,
Чтобы перед изваяньем твоим обнять друг-друга
И дальше излучать наш всеславянскій свѣт.

Дубровник, 1901 г.

ОТЩЕПЕНЦУ.

(Ѳ. М. Галипу).

Гдѣ ты нынѣ, друг коварный,
Гдѣ ты скрылся, как живешь?
Почему уж не поешь
Так, как встарь, неблагодарный?

Онѣмѣли-ль лиры струны,
Одряхлѣла-ли рука,
Иль мертвящая тоска
Мыслей прервала перуны?

Иль прельстился ты дарами,
Тѣх, что наш народ гнетут,
И свой неподкупный суд
Им ты продал, и словами

Правды смѣлой и свободы
Не откликнешься уж нам?
Неужели ты «панам»
Станешь пѣть хвалу и оды?...

Нѣт, не вѣрю я, вѣдь, сердце
Бьется же в груди твоей,
Вѣдь не заглушили в ней
Чувства боли — иновѣрцы!?

И оно-ль не встрепенется,
Чуя злобу наших дней,
И оно-ль в тисках цѣпей
Жгучей кровью не зальется?

И обиды, поношенья
Нашей Руси дорогой
Для него лишь звук пустой,
Звук, без смысла и значенья?

Нѣт и нѣт! раз сердце плачет
У народнаго пѣвца,
Золотого звон тельца,
Роскошь бренная что значит?

Все отдаст он — обнищалый,
С лирою одной пойдет
Межь несчастный свой народ,
Голос обрѣтет бывалый —

И пѣснь грянет... В этой пѣсни
Будет все: мольба, упрек,
Жалобы на тяжкій рок,
Горя плачь и стон болѣзни...

Пѣсню примут, и счастливый
Станет пѣть всю жизнь пѣвец,
Славу, счастье и вѣнец
Он заслужит горделивый...

Так-ли, друг? о, да! ты скажешь,
Вспомнишь прежній вѣщій склад, . . .
Дашь нам пѣсен звонкій ряд,
Думы в них свои разскажешь...

Львов, 1895 г.

ПѢСНИ И ЛЮДИ.

Кто в своей жизни стихов не писал,
Кто не рыдал на плечѣ у любимой,
Кто не мечтал, с неба звѣзд не хватал,
Юностью страстною руководимый?

Скоро, ах скоро, стихая гроза,
Зрѣлость пахнула крылом отрезвленья,
Стих и мечта и любовь и слеза
Стали казаться плодом увлеченья.

Но и не всѣм-же... иным не дано
В жизни своей ни на час отрезвиться, —
Это избранники, им суждено
Вѣчно любить и мечтать и томиться...

Петроград, 1895 г.

НАРОДНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦѢ.

Идете вы на подвиг трудный,
На подвиг просвѣщенья,
И может быть, порыв ваш чудный
Сулит вам лишь лишенья...

Но, всѣ преграды презирая,
Средь слез и бѣд идите смѣло,
И родина, благословляя,
Вѣнчает вас на ваше дѣло.

Вѣна, 1900 г.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

— В воскресенье — «Осанна!»
— А в четверг уж «Распни» —
Вот народная манна,
Люди всюду одни.

Нью Іорк, 1920 г.

V.

ТРИЗНА ПО ЮНОСТИ.

СОНЕТЫ.

(Посвящается Ю. А. Яворскому).

I.

Мени тринадцатый минав,
Я пас ягнята за селом...
Шевченко.

Давно-ль, давно-ль?... о, юность золотая,
Никто без слез не вспомнит о тебѣ,
Кто по своей безжалостной судьбѣ,
Лѣт тридцати — развалина пустая.

Гдѣ тѣ мечты?... гдѣ живость молодая?
Истлѣло все то в горѣ, то в гульбѣ,
Раздроблено в житейской молотьбѣ,
И жизнь горит, едва-едва мерцая...

И думаешь, давно-ль минуло время,
Когда с отцом крестьянское я бремя
В поту чела влачил-тащил нераз?

Давно-ль, давно-ль во вретище одѣтый,
Придя домой с ученія на лѣто,
Я за селом коров голодных пас?!

II.

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку....

Надсон.

Пас коров я, пас на привязи, в полѣ,
И все пѣсни разудалыя пѣл,
Буря-ль выла или вихор свистѣл,
Я все весел, словно птичка на волѣ.

И мнѣ жаль лишь, что на нашей юдоли
Так ничтожен наш крестьянскій надѣл,
Что пасти на лугах я не смѣл,
Всѣ в нѣмецкой или панской неволѣ.

И, бывало, вот коров ты пригонишь,
Дашь им корму, мать доит, а ты склонишь
От раздумья свою голову вниз —

И сон тяжкій о нуждѣ и заботѣ,
О мужицкой лютой долѣ — бѣднотѣ,
Грозной тучей надо мною повис...

III.

Батькин бог — сыну не работник.
Русская пословица.

— «Видишь, сын мой, как бѣда нас гложет»,
Говорил мнѣ иногда отец,
— «В школу, милый, гни другой конец,
Батькин бог уж сыну не поможет».

— «Свѣт науки ум твоей пріумножит,
Выйдешь в люди, — от родных сердец
Перед міром будешь ты истец,
Чай, и счастье Бог тебѣ положит».

— «А землицы нашей крайне мало,
Гдѣ один встарь: трое там настало,
Заработок нашь что?... трын-трава»!...

— «В наше время руки уж негодны,
Их усилья, их труды безплодны,
Нынче всюду правит голова»!

IV.

Ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец.
Народная поговорка.

И едва лишь кончались вакаціи,
Я крестьянское платье бросал,
Европейскій костюм надѣвал
И брел в храмину цивилизаціи.

Там мнѣ часто читали нотаціи,
Чтоб не только уроки я знал,
Но чтоб также слегка отвыкал
И от нравов своей грубой націи.

Но их свѣтскіе, пышные нравы,
Их противные жизни уставы
Не внѣдрилися в сердцѣ моем.

И я стал ни панов приверженцем,
Ни деревни простой отщепенцем —
Полупаном — полумужиком!

V.

Когда не знал я, что на слово младость
Есть рифма—гадость, кромѣ рифмы радость.

Лермонтов.

Оторванный от отчаго занятья,
Я предался духовному труду,
И то благословлял свою звѣзду,
То подчас стал ей страшныя проклятья...

Я вѣрил в правду, мнил. что всѣ мы братья,
Что вмиг стряхнем народную бѣду.
И что с бойцами дружно поведу
Народ свободный в братскія объятья.

Но неудачи, городская гадость,
Мнѣ отравили молодую радость
И яд сомнѣній в душу занесли,

И я жежал бы от своей злой доли
Спастись опять на отческое поле
На лоно мирное родной земли...

VI.

Друг мой, брат мой,
усталый страдающій брат,
Кто-б ты ни был, не падай
душой...

Надсон.

И прошли наилучшіе годы,
Закатилось давно утро жизни,
А на сердцѣ однѣ укоризны,
Одна горечь прожитой невзгоды.

Не ударил еще час свободы
Для народа, для бѣдной отчизны,
И готовят побѣдныя тризны
По концѣ нашем вражьи народы.

Но встряхнем ненавистныя цѣпи,
Гул пойдет по могильном по склепѣ,
Оживут мертвецы от их звона.

И восторг этих чудных мгновеній
Будет стоить судьбины гоненій,
Может стоить и жизни урона...

VI.

ВЕШНІЯ ВѢЯНІЯ.

* * *

Стало теплѣй... заструились потоки,
В почках дерев освѣжилися соки,
Всѣ ликуютъ: весна, уж весна...

Солнце живит, унялась непогода,
Ах, наконец-то проснулась природа
От мертвящаго зимняго сна.

Вдруг, в одну ночь понадвинулись тучи,
Вьюга завыла, снѣг-иней сыпучій
Замели снова все, что лишь видно окрест..

Снова зима, снова все забѣлѣло,
Съежилось, сплющилось, обледенѣло,
И задохлось, не успѣвши разцвѣсть...

Так иногда молодые порывы
К волѣ, к свободѣ и счастью призывы
Попирает судьбы своевольный удар.

Сколько, порой, нужно новых усилій,
Чтоб загорѣлся в пришибленной силѣ
Затаенный, угаснувшій жар...

Вѣна, 1894 г.

* * *

Как страстно я люблю вас, облака,
Когда, весной, несетесь вы слегка
По темно развернувшейся лазури;
Летите вы волнистою грядою,
Рѣзвясь, ласкаясь рунною каймою,
Неся дожди и вешній гром и бури....

Куда вы, милыя? зачѣм у нас
В сей истощенья и засухи час
Не брызнете живительной росою, —
Зачѣм поля — зелеными хлѣбами,
Сады, луга — пахучими цвѣтами
Вы не засѣете своей струею?

Но мчитесь вы, не вѣдая куда,
Гоня свои игривыя стада,
Не внемля жаждѣ и мольбѣ природы;
Нагрянет вихрь и мигом вас развѣет
И без участья, без слѣда разсѣет
В иную даль, в иные небосводы....

Петроград, 1895 г.

*   *   *

Как хорошо, когда весной,
В удушливый, порою, зной
Над сном долин, над дремой рощ
С грозою пронесется дождь.

Все задрожит и встрепенется
И в свѣжей роскоши прснется
И волнами благоуханья
Наполнит ризы мірозданья...

Вездѣ висят-блестят росинки,
Роняя робкія слезинки,
Трепещет все от умиленья
В волшебных чарах оживленья...

И гомон птиц и листьев шопот,
Рѣчной струи шумливый ропот
И радуга в выси небесной
Волнуют нас красой чудесной.

И подымаясь высоко,
Грудь дышет так легко-легко,
В душѣ так чисто и свѣжо,
И хорошо, и хорошо!

Рѣчка, 1896 г.

*   *   *

Повѣяло весной, повѣяло пахучей
Фіялкой нѣжною и сочною березой,
Обдало нас мечтой, обдало смутной грезой,
Разкаяньем глухим и болью-болью жгучей.

*

И шепчет греза мнѣ: не велика потеря,
Ты в будущем найдешь дары любви и пѣсен,
Раскаянье-ж грызет: ах, сколько ты уж весен
Напрасно потерял, все в будущее вѣря...

*

И подступает вдруг из глубины сердечной
Горючая слеза по пережитым веснам,
Но побѣдив печаль страданьем живоносным,
Ввѣряюсь я опять своей мечтѣ безпечной...

Вѣна, 1899 г.

* * *

Как весело лежать
На молодой травѣ
И мыслями витать
В безбрежной синевѣ...

Как славно ощущать
Дыханье бога-солнца
И с вѣтерком взлетать
На тучек волоконца...

Слѣдить за мотыльков
Извивистым порханьем,
И первенцов-цвѣтков
Несмѣлым трепетаньем...

Словить хрущей чету
В объятiях любовных,
Подмѣтить на лету
Возврат гусей безмолвных...

Пар обонять земли,
Подслушать рой пчелиный,
Коростелей вдали
И поклик журавлиный....

Забыться и застыть,
И грезить чудо-сны,
И пить, всей грудью пить
Дары младой весны!...

Вѣна, 1900 г.

ВЕЧЕР.

Дремлет роща над прудом,
Влага листья кроет...
Тихо; смолкло все кругом,
Вся природа ноет...

Тускло блѣдная луна
Свѣтит над землею,
Наполняет мір она
Нѣгою и мглою.

Строен-строен мир земли,
Как бы в час молитвы;
Люди лишь не спят — они
Ищут смут и битвы.

Львов, 1891 г.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

Ясная ночь послѣ злого ненастья
Опустилась над сонной землей,
Разлила благодатный покой
Вѣстница мира и свѣтлаго счастья.

Тучки уставшія вмиг разлетѣлись
И открыли глаза небесам;
И с просонья они там и сям
Блеском искристым зараз загорѣлись...

Вот, скраю неба, за блѣдною дымкой,
Выплывает царица-луна,
И колеблется, видно, она,
Выйти-ль из тучек, иль быть невидимкой.

Спящія нивы, луга и вершины
Покрывает волнистый туман,
Шелестит еле-еле бурьян,
Взросшій на сочной, пахучей долинѣ...

Сонную тишь и безмолвье природы
Нарушает вдали лишь рѣка,
Наполняя свои берега,
С шумом волнуя наплывшія воды.

Всюду, куда вы не бросите взоры,
В эту тихую лунную ночь,
Разлита непонятная мощь
Стройных созвучій в безбрежном просторѣ.

И зарождается в нас поневолѣ
Этой ночью сомнѣнье одно:
Уж не лишнее вы ли звено
В этих созвучьях на нашей юдоли?

Дороговыжье, 1892 г.

ДУМКА.

Вы видали-ль, как в ночь полнолунную,
В перегонку с луной блѣднолицею,
Безпрерывной, нѣмой вереницею
Облака колесят сереброрунныя, —

И то тѣни бросают пугливыя,
Застилая нас сумрачной тайною,
То, прорвашися, щелью случайною
Озаряют долины сонливыя?

* * *

Вы слѣдите с участливой ласкою
За игрою причудливо-милою,
Что ни тѣнь — то тоскою унылою,
Что ни свѣт — то волшебною сказкою

В безпокойной душѣ отзывается,
Нанизая вопрос неминуемый:
Да не жизни-ли, роком волнуемой,
Небосклон этот уподобляется?!...

Горыгляды, 1893 г.

СЧАСТЬЕ.

Счастье, гдѣ ты, счастье, гдѣ ты?
Гдѣ тебя я не искал,
Все невѣрные отвѣты,
Все отказы получал.

Нѣт тебя ни в захолустьи,
На свободѣ золотой,
Нѣт ни в бурном жизни устьи,
В сутолокѣ городской.

Скучно там, здѣсь слишком тѣсно,
Мало жизнь вездѣ дает,
Все так мелко, все так прѣсно,
Что-то все недостает.

Вѣрно, если исходил бы
Я за счастьем цѣлый свѣт,
То лишь правду подкрѣпил-бы:
Там, гдѣ люди, счастья нѣт!...

Вѣна, 1897 г.

VII

ОСЕННІЯ СЛЕЗЫ.

ОСЕНИНЫ.

Мы праздновали «осенины» —
Грядущей осени родины.

Заворожелный лѣс стоял,
Как бы в чахоткѣ, в красных пятнах,
Он словно кровью истекал
В тоскѣ о силах невозвратных,

Когда, зеленый и могучій,
Он прошумѣл всѣ грозы-тучи...

А нынѣ, в ясный день затишья,
Все слезы алыя текли
От ранней немощи излишья
На лоно скробное земли...

Мы праздновали осенины,
Под запах свѣжей мертвечины.

Вѣна, 1901 г.

*   *   *

Приходит тоскливая осень....
Уж шишки осыпались с сосен
И плачет оборванный лѣс
По роскоши прежних чудес.

Повсюду обронены слезы,
Увяли и розы и лозы, —
Природа дѣвичій вѣнец
Мѣняет на вдовій чепец.

И плачут небесные своды,
Пращаясь с улыбкой природы...
Рыдайте растенья земли,
Дни яснаго счастья прошли.

Нагрянут морозы и холод,
Скует красоту вашу молот
Свирѣпой, бездушной зимы,
День смеркнет пред властію тьмы,

И жизнь, хоть потом и воскреснет,
Когда ледяная цѣпь треснет, —
Не многим, не многим из нас
Увидѣть тот радостный час...

Вѣна, 1898 г.

* * *

В эти сѣрые, мрачные дни,
Когда борется осень с зимою,
Когда землю сырой пеленою
Застилают туманы одни, —

В эти дни, как не свой, я хожу,
Я печален, угрюм, почти болен,
Я, как будто судьбой обездолен,
Страшно тужу.

Я-же знаю: лишь тот в эти дни
Может быть и счастлив и доволен,
Кто живет, беззаботен и холен,
В теплом домѣ, на лонѣ родни.

А кто сир, без угла, без тепла,
Кому негдѣ пристать и погрѣться,
Должен много, бѣдняк, натерпѣлся
Горя и зла.

И меня, утаить не могу,
В это тусклое время ненастья
Не ждет тихая ласка участья,
Не согрѣет огонь в очагу.

Одинокій и сирый брожу
Я по улицам топким, часами,
И по солнцу, теплѣ, временами,
Страшно тужу...

Вѣна, 1895 г.

ИСТОМА.

Я падаю под бременем безсилья,
Под бременем бездѣйствія и сна,
Как будто-бы подрѣзали мнѣ крылья,
Как будто-бы мнѣ воля не дана....

Во мнѣ подчас рождаются порывы
И что-то чудное вперед манит,
Но миг прошел — и тщетны всѣ призывы,
И вновь душа, оцѣпенѣвши, спит...

Но сон-ли то? о нѣт... — в дремотѣ
Я сознаю утрату лучших дней,
Ум все твердит о долгѣ, о работѣ,
А силы нѣт порвать кошмар цѣпей...

Вѣна, 1897 г.

VIII.

ЛЕПЕСТКИ ЛЮБВИ.

КАЛИНА.

Ах, дѣва-дѣвчина,
Ах, очи-пучина,
Ах, щечки-калина,
А губки-малина,
Зачѣм приглянулась ты мнѣ?

Малину смакуя,
Калину помну я,
И очи цѣлуя
Подонье найду я
И сам поселюся на днѣ...

Засохнет малина,
Поблекнет калина,
Изсякнет пучина,
Зачахнет дѣвчина —
От жару, в любовном огнѣ.

Вѣна, 1896 г.

ДАНЬ.

Завтра праздник у меня,
Завтра радость, ликованья,
И восторг и пированья
В блескѣ памятнаго дня.

Завтра прочь, о, прочь кручины
И сомнѣній череда,
Завтра горя ни слѣда —
Завтра милой именины.

И лишь только дневный зной
Жечь-томить нас перестанет,
Под росою лишь воспрянет
Вялый цвѣтик полевой,

Собираюсь тотчас в поле
Рвать цвѣты, плести вѣнцы,
Выбирая первенцы
Вешней поросли на волѣ.

Завтра рано, чуть заря,
Труд мой милой поднесу я
И блаженство поцѣлуя,
Может быть, узнаю я.

И вѣнок мой пестроцвѣтный
Ко груди она прижмет,
Слезы чистыя прольет
В знак нѣмой любви отвѣтной...

А потом она его
Сохранять годами станет,
И хотя давно завянет
Дань восторга моего,

Будет он воспоминаньем
Чудных дней, любовных грез,
Тяжких дум и горьких слез,
Пред печальным разставаньем.

Горыгляды, 1893 г.

ТОСКА.

Уѣхал мой милый,
И стон лишь унылый
И свѣт лишь постылый —
— Вот участь моя!

Любовныя грезы,
Увядшія розы,
Горючія слезы —
— Отрада моя.....

Мой милый вернется,
И счастье проснется,
И вновь улыбнется
— Мнѣ доля моя.

Другую полюбит —
Себя он погубит,
Меня-жь приголубит
— Сыра-мать земля!

Топоровцы, 1897 г.

ПРИЗРАК.

Ты помнишь-ли, милая, помнишь-ли горенку
Откуда так часто вдвоем
Мы в лѣтнюю пору вечернюю зоренку
Встрѣчали в восторгѣ нѣмом.

И звѣзды и мѣсяц на нас любовалися
И слали лучи нам свои,
Внизу-же так томно деревья шепталися,
Журчали-струились ручьи.

Чего-же мигали все зореньки ясныя,
Чему улыбалась луна,
О чем-же шушукались листья безгласныя,
О чем рокотала волна?

Тогда я не понял; любовью взволнованный,
Слагал я природѣ хвалу,
Созвучьями міра, красой очарованный,
Невѣрил ненастью и злу.

Теперь мнѣ все ясно: свѣтила небесныя,
Ручьи и деревья кругом,
Не вѣрили в наши мечтанья чудесныя,
Ни клятвы о счастьи вдвоем...

Они говорили: вам скоро соскучится,
Остынет бурливая кровь,
Забудете клятвы, мечты улетучатся, —
Хрупка и случайна любовь.

Вѣна, 1897 г.

ВОСПОМИНАНЬЕ.

Мнѣ не забыть тѣх дней счастливых,
Когда средь гор чужой страны,
На склонѣ Альпов горделивых
Сбылись нечаянные сны
    Моей любви, любви случайной,
    Твоей любви — завѣтной, тайной...

Могу-ль забыть тот дуб зеленый,
Что средь густаго ельника,
Травой пахучей окаймленный,
Царем смотрѣл издалека, —
    Там, там сбылись святыя грезы,
    Там счастья мнѣ зардѣли розы....

Могу-ль забыть тот чудный вечер:
Пращалось солнышко с землей,
Вдали горѣл Альпiйскiй глечер,
А я рыдал, томим тоской.... . .
    Взошла луна — свиданье снова —
    Долой, долой укор былого.

1898 г.

МОТЫЛЕК.

Раз в вечерній час,
Лишь закат погас,
Полюбил мотылек —
Огонек...

Страстію горя,
Устремился зря
Он в объятья к нему
Ночи в тьму...

Прилетѣл, приник,
В сладострастный миг
Жаждет пламень обнять —
Цѣловать....

Крылышки зажглись,
Не поднялись в высь,
Мотылек рухнул в грязь,
И увяз....

Свѣтит огонек,
Страждет мотылек,
И как прежде течет
Жизнь вперед.

Брунн, 1898 г.

ЛЮБОВЬ.

(Отрывок из письма).

...... Любовь!.. когда-то это слово
Звенѣло свято нам и ново,
А нынче мы в любовь не вѣрим,
И как другіе лицемѣрим, —

Вздыхаем, голову понуря,
На сердце руку положив,
Глаза, томительно прищуря
И долу взоры потупив,

Мы шепчем страстно: дорогая,
Открой-открой блаженство рая,
О, дай извѣдать чары страсти,
Дай испытать небесной сласти

И упоенья и забвенья,
Божественнаго наслажденья, —
И много-много пошлых слов
И звонких пѣсен и стихов...

Вот что любовью называют,
Вот как любовь всѣ понимают!
Для них священная любовь —
То взбунтовавшаяся кровь!

Для них, для них! а для меня
То горн был чистаго огня,
Без вожделѣній, без желаній,
Без ненасытных упованій....

То был лишь рой волшебных грез,
Поток нѣмых, незримых слез,
Надежд туманных вереница,
Цвѣтов роскошных колесница...

Не выразит язык, нѣт, нѣт,
Что чувствовал тогда поэт!

Вѣна, 1900 г.

ИЗМОРОЗЬ.

Когда я думаю о вас,
Мнѣ все мерещится подушка слез
На дѣвичьей кровати бѣлой,
Иль куст увядших роз,
Или цвѣтник оледѣнѣлый,
Что утренник-мороз
Сразил в разсвѣтный час...

Но средь печальных дум
Кровь брызнет к сердцу молодому
И как к участью живому
Стремится ум!...

И хочется, чтоб солнце засіяло,
Чтоб спало мрака покрывало,
Чтоб высохла подушка слез,
Чтоб утренник-мороз
Был побѣжден сіяньем свѣта,
Чтоб, ласкою его согрѣты,
Опять и розы разцвѣли,
И снова ожил и цвѣтник,
Исчез горючих слез родник,
И в рай зажглась юдоль земли...

Петроград, 1901 г.

ОДИН.

Итак один... И снѣжныя поля,
Томящія своим однообразьем,
И голыя, безлистыя деревья,
И однозвучный мѣрный стук колес —
Мнѣ все твердят: один, один, один.....

Забыться-бы! забыться нѣту мочи,
Передо мной все тѣже-тѣже очи,
Я вижу блеск их ласковый и нѣжный,
И душу будит вновь порыв мятежный.

И вновь и вновь переживаю я
Прощальное пожатіе руки,
Непойманный, пугливый поцѣлуй,
Послѣдніе—и жесты и слова.

Колеса все стучат: один, один, один,
И подтверджает то и бѣлый снѣг равнин,
И вѣтви голыя, и черные стволы,
И хвои хмурыя, без соку, без смолы,
Неровный сердца стук, глухой и безотвѣтный,
И мыслей, мыслей рой, докучный и несмѣтный.....

А так-ли давно и она здѣсь сидѣла,
С любовью, с тоскою мнѣ в очи глядѣла,
Свѣтилась вних нѣга и вѣра и ласка,
В душѣ отзывалась забытая сказка...
И я напѣвал ей: родная моя,
Умчимся со мною в другіе края,
Там солнце давно пробудило весну,
Там я в море нѣги тебя окуну,
И стану и пѣть и любить и трудиться
И стану с врагами без устали биться,
И вмѣстѣ с тобою, тобой окрыленный,
Войду я в храм славы, вѣщун вдохновенный...

. . . .

Теперь я чувствую, я знаю,
Что любящей, надежной вѣрой,
Надежною и вѣрною любовью,
И вѣрною, любовною надеждой,
Она меня повсюду осѣняет....

Я ощущаю уж теперь ея дыханье,
Я больше не один, она, она со мною!
О, мчися, поѣзд, мчися с птичьей быстротою,
Под мѣрный стук колес, под шум и колыханье,
В мечтаніях о ней как сладостно засну я,
С улыбкой на устах о раѣ поцѣлуя!

1901 г.

УВЯДШІЕ ЛИСТЬЯ.

(Слова к романсу).

Тоски и грусти слезы
Не в силах подавить,
Взял листья бѣлой розы,
Чтоб милой все излить.

Чѣм сердце наболѣло
И как изныла грудь,
На листьях розы бѣлой
Успѣл я ей черкнуть....

Надежду и сомнѣнья,
И тайной страсти пыл,
И муки и томленья,
И как любил — любил!

Но только написал я,
Завяли лепестки
И так и не послал я
Ей исповѣдь тоски.

И с листьями увяли
Всѣ лучшія мечты,
Зачахнула в печали
И дѣва красоты.

С тѣх пор при видѣ розы
И нѣжных лепестков,
Из глаз мнѣ брызжут слезы
Невысказанных слов...

Вѣна, 1901 г.

IX.

БРЫЗГИ ЖИЗНИ.

ТЯГЛО.

О, жизнь, не стоишь ты терноваго вѣнца,
Его-ж цѣной досталась у судьбы,
Ни материнских мук, ни горестей отца,
Ни их забот, ни частой их мольбы.

Не стоишь ты развалин чистых дум,
Схороненныхъ надежд, развѣявшихся грез,
Сердечных бурь, разсыпавшихся сум,
Ни суетной борьбы, ни выплаканных слез.

И, жизнь, не долго-бы тебя мы берегли,
Не долго-бы в страданьях изнывали,
И не задумались-бы бросить ад земли
И отрѣшить себя от уз печали,

Кабы не чаянье благой награды
И свѣтлой радости и дней святых чудес,
Кабы не жажда истинной услады
Далеко, гдѣ-то там, гдѣ синь и край небес.

Львов, 1896 г.

БЕЗ ПРОСВѢТА.

Уныло и жалко влачу свои дни,
Терзаясь сомнѣньем, без цѣли предвзятой,
Ищу все разгадки сей жизни треклятой,
Увы! на пути все колоды, все пни.

Как путник, застигнутый ночью грозой,
В пустом огонькѣ видит якорь спасенья,
Так часто впадал и я зря в увлеченья
Своей вѣчно алчущей, бурной душой.

Я часто за путь принимал ложный слѣд,
Но скоро являлось разочарованье,
И вновь начинались борьба и терзанье,
А правды желанной все нѣт, ах, все нѣт.

И так я блуждаю, теряясь всегда
В сѣтях повседневных, рѣшеніях тайных,
И путаюсь вѣчно в рязвязках случайных,
А истины мнѣ не узнать никогда!

Тоска и печаль загнѣздились в груди,
Нѣт выхода мнѣ и надежды,
А дни все плывут, безпросвѣтно, как прежде,
О, сколько их, сколько еще впереди?...

Львов, 1896 г.

НАДРЫВ.

(По Бодлеру).

В порывѣ злобном самоистребленья,
Узнав в себѣ врага и супостата,
Извѣдал он всю глубину паденья,
Прошел по всѣм колдобинам разврата...

И для него в сем мірѣ тайны нѣт,
А в мірѣ том ея и не узнать,
И для чего-жь беречь и жизни цвѣт
И для чего в болотѣ прозябать?

Весь шар земной в безбрежности вселенной,
Два островка просохшаго болота
В двух капельках водицы посоленной!
В міазмах жить на нем — что за охота?!

Вѣна, 1899 г.

МОГИЛА.

(Памяти товарища).

Могила не страшна на склонѣ лѣт,
Когда уж пройден долгій путь земной,
Исполнен долг, оставлен жизни слѣд,
Когда нужны лишь отдых и покой.

Или когда в борьбѣ с судьбиной злой,
Погибло все, исхода больше нѣт,
Когда душѣ, усталой и больной,
Небытіе единственный исход.....

Но, в юности, когда душа парит,
Когда кругом все чудеса сулит
И к подвигам стремятся жизни силы,

Быть сломану, по прихоти судьбы —
Угаснуть вдруг, без жизни, без борьбы,
— Что может быть страшнѣй такой могилы?!..

Вѣна, 1896 г.

ВСТРѢЧА.

Бродя по улицам, в день сумрачный, ненастный,
Случайно встрѣтил он тебя, дитя порока.
Румянец вымоклый, призыв нахальный ока,
Стан, дрогнувшій слегка, и взгляд безстыжій, властный

Вмиг выдали тебя... В безсиліи могучем,
Как виноватый пес побрел он за тобой,
Сжигаем пламенем, с надтреснутой душой,
Побрел он за товой, в очарованьи жгучем...

И встрѣтились: — ты, бренной плоти жрица,
И он — живительнаго духа жрец,
И встрѣтились: голодная волчица
И с пѣсней примиряющей пѣвец!

Вѣна, 1899 г.

МЕТЕОР.

Среди людей, лукавых и пустых,
Кто растерял свой кроткій образ Божій,
Тот и в дворцах и в залах расписных,
Живет, на изверга похожій.

Года текут и веснам нѣт возврата!
Двух «завтра» нѣт, не будет, быть не может,
И средь гульбы и рыхлаго разврата
Червь времени его нещадно сгложет.

Года мелькнут и он во мрак людской
Ни зги добра, ни счастья не заронит,
Как метеор, падучею звѣздой,
В безвременьи истлѣвши, он потонет...

ПРИСТАНЬ.

Вся жизнь его прошла в сплошной борьбѣ,
Борьбѣ глухой, но ярой, безпощадной,
Дух рвался все к мечтаньям и мольбѣ,
А плоть неслась в объятья страсти жадной.

Он рано пал — и дух уж изнемог,
Едва-едва цвѣт жизни распустился,
И часто-часто он у женских ног
И проклинал и плакал и молился.

Молился он той непонятной силѣ,
Что нас толкает в бездну или рай,
Что нас ведет иль к славѣ иль к могилѣ,
Молился, лишь не падать через край...

И часто он бѣжал, скорѣй укрыться
Пред сладострастьем грязным наслажденья,
Бѣжал, чтобы наединѣ забыться
Во сладострастьи чистом вдохновенья....

Петроград, 1900 г.

БЕЗСИЛІЕ.

(Посвящается К. Ю. Купалову).

Ах, силы воли, дайте силы воли,
И, кажется, весь мір переверну,
А так, в сѣтях своей злосчастной доли,
Я злюсь и рвусь и плачу и кляну....

Кляну тот миг, когда из нѣдр вселенной
Меня любовь на свѣт произвела,
Кляну и тѣх, чьей похотью мгновенной
Я вызван в мір для бѣдствія и зла...

Мнѣ лишь бы власти, над собою власти,
Чтоб управлять кормою волевой,
Чтоб подавлять губительныя страсти,
Чтоб не идти за низменной толпой.

А власти нѣт, и я бреду согнувшись,
В безсиліи захлебываюсь я,
И мига жду, когда, с пути свихнувшись,
Слечу опять во мрак небытія....

Петроград, 1900 г.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ.

Каждый год в эту ночь дружно пѣсни лились,
Звонко рѣчи текли, пожеланья неслись,
Молодая душа, ожиданій полна,
Замирала от счастья, веселья, вина.

Каждый год в эту ночь, в миг один роковой,
Я ловил поцѣлуй у красы молодой,
И восторг и любовь окрыляли меня,
В лучезарную даль за собою маня...

Только нынче один... без любви, без красы,
Провожу я в тоскѣ роковые часы,
Вмѣсто пѣсен, весел:я и звонких рѣчей —
Тишина, тишина лишь в конуркѣ моей....

И в то время, как всѣ искрометным вином,
Поздравляют друг друга с родившимся днем
Новых дум, новой жизни и новаго счастья,

Я горючим потоком несдержанных слез
Хороню вереницу несбывшихся грез,
Хороню свою юность, один, без участья...

Вѣна, 1896 г.

ОБѢТ.

Entbehren sollst du, sollst entbehren...
Goethe, Faust I.

I.

Лишить себя, лишить себя всего,
Ото всего земного отказаться!
Вот истина, вот жизни торжество,
Вот перед чѣм нельзя не преклоняться!

Любить, желать иль грубо наслаждаться,
Пресытиться — что низменнѣй того?
И можно--ли пред плотью пресмыкаться,
Когда в груди таится божество?!

Земное все подвержено истлѣнью,
К нетлѣнной жизни, к вѣчному броженью
Вѣдь создан только вѣчно юный дух!

Его беречь, чтобы весь мір измѣрить,
Чтоб все узнать, чему велят здѣсь вѣрить,—
Из праха-же хоть вырости — лопух!

Вѣна, 1896 г.

ТѢНИ.

Вокруг меня витают злыя тѣни,
  Как будто их послал мнѣ ад,
И полог свой печальный смертной сѣни
  Онѣ безжалостно влачат
На свѣтлый рой моих видѣній.

Хочу любить — онѣ презрѣнью учат,
  Страдать хочу — грѣхом манят,
Предамся ли чему — онѣ разлучат,
  Вселив во мнѣ сомнѣнья яд, —
И все гнетут и вѣчно мучат.

И всѣ, и начинянья, и усилья,
  Всѣ дни мои, всѣ сны мои
Окутали подземныя их крылья
  И властным взмахом отторгли
От солнца, ласки изобилья...

Я больше не могу владѣть собою,
  На всем их злобная печать.
Измученный терзаньем и борьбою,
  Незнаю дальше, что начать,
Как кончить со своей судьбою?...

И тщетно я бѣгу от навожденій,
  Напрасно в мудрости людей,
В пирах друзей, в тоскѣ уединеній
  Ищу покоя от тѣней —
Вездѣ, всегда, все тѣни, тѣни!

Вѣна, 1896 г.

ИМЕНИНЫ.

Поздравь, поздравь себя! Настал рожденья день!
Взгляни на свиток дѣл и вспомни дребедень, —
О сколько длинных лѣт на свѣтѣ ты живешь!
Прожитой полосѣ итоги подведешь!

Нѣт, не-с-чѣм, не-с-чѣм мнѣ и поздравлять себя!
Мой свиток дѣл — пустой! судьба, не возлюбя
За вѣхи праздности, за юности грѣхи.
Не подожгла огня ковать, низать стихи —

Вливать в сердца людей любви чудесный жар,
Заставить их дрожать и трепетать от чар,
Заставить слезы лить над горькою судьбой,
В восторгах замирать от благости людской...

Не дала красок мнѣ и ни пѣвучих слов,
Не дала звуков мнѣ, волшебных образов,
И все вокруг меня такая муть да сѣрь,
И все мнѣ каркает: презри, наплюй, невѣрь!...

Невѣрь, что есть краса и правда на землѣ,
Все прах и тлѣнь и мразь, и все подобно тлѣ,
Носящейся в тѣни над высохшим прудом, —
Все пахнет кровію и муками и злом...

Вѣна, 1899 г.

ДРУЖБА.

Что дружба? легкій пыл похмѣлья,
Обиды вольный разговор,
Обмѣн тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позор!

Пушкин.

Нѣт! дружба средь земных созвучій
Нѣжнѣйшій, неземной аккорд,
Сердец простых союз могучій,
Но недоступный тѣм, кто горд!

Вѣна, 1896 г.

ЖЕНЩИНА.

— Что женщина? — сказал поэт,
Орудье зла, ошибка Бога!
О, нѣт, она, — подумав строго, —
Сказал артист, его сосѣд, —

— Из всѣх божественных ошибок —
«Божественнѣйшая» ошибка! —
И смолк язвитель шибко-шибко,
Средь торжествующих улыбок...

Вѣна, 1901 г.

«ГОЛОДНЫЙ БАЛ».

Повсюду шум, повсюду хохот,
Стук каблуков, музыки грохот,
Цвѣты, гирлянды, ожерелья
Великосвѣтскаго бездѣлья.

Тут веселятся дармоѣды,
А там — вдали, в родной Россіи,
Болѣзни, мор, лишенья, бѣды,
Борьба с ударами стихіи.

Как тяжело под эти звуки
Воображать нѣмыя муки,
Страдальцев дальних и родных,
Безпомощных, нагих, больных,

Что, несмотря на вѣчный труд,
От голоду, как мухи, мрут,
Кляня всѣх сытых и глухих
И в безсердечіи нѣмых,

А может быть, прощая их
Во имя Бога — в смертный стих...

Вѣна, 1898 г.

В ТЮРЬМѢ.

О, время, время, призрачное время,
На волѣ я не замѣчал тебя,
А здѣсь ты, всѣ мечты мои губя,
Колодою гнетешь больное темя.

Тут день иль час — что гири на часах,
Тут утро, вечер, все одно и то же,
О, сжалься Боже, сжалься, милый Боже,
Понукай солнце в мiровых бѣгах.

Ложатся тѣни, день уж догорѣл,
Слетѣлись птички на забор острога,
Читать молитву, славословить Бога
За хлѣб насушный, за дневной удѣл.

Вот на рѣшетку моего оконца
Усѣлась стая юрких воробьев.
Как затрещали! я рыдать готов,
— Свободы вашей, воли, свѣта, солнца...

Но в двери стук... очнись... хватайся нар,
Дозор смѣнен, в «Iудином» окошкѣ
Блестит злой глаз, затьмив огонь из плошки,
И ждет и ждет... все чаще стук, удар...

— Сейчас, сейчас, иду, ложусь на пытку,
Слетайтеся исчадья темной ночи,
Тля и клопы, теперь я в вашей мочи,
Пируйте до утра, до преизбытку...

Терзайте-же, я презираю вас,
Мнѣ сладки муки за родное племя,
Бѣги иль стой, безжалостное время,
Мнѣ все равно, что сутки, что и час.

Вѣна, 1897 г.

СѢДИНЫ.

Я не стыжусь своих безвременных сѣдин
В дружинѣ сверстников, соратников в неволѣ,
Мной заработаны на всенародном полѣ
И серебро кудрей и мѣдь моих морщин.

В колючки моего терноваго вѣнка
Судьбою вплетены — и вѣнская темница,
И львовским судбищем попранная слезница,
И нанятый кинжал бѣлградскаго шпика.

Мной пережит гнилой «Русляндіи» распад,
Гдѣ я Кассандрою непонятой скитался,
Гдѣ за любовь к Руси позорно я ссылался,
Гдѣ столько выстрадал крушеній и утрат......

Утратил я семью и родину и мать,
С могилою отца сроднился на чужбинѣ,
И сам не вѣдаю, угодно ли судьбинѣ
Лишь испытать меня, иль надо умирать?

Но чувствуется мнѣ — не кончен мой удѣл,
Пока своих потерь не обрѣту я снова,
Пока не доживу я торжества родного,
Пока тугой колчан не выпустит всѣх стрѣл!..

Нью Іорк, 1920 г.

НА САМАГО СЕБЯ.

Передумал-то я много,
Только мало написал,
И за это, слава Богу,
Я в темницѣ побывал.

Вѣна, 1897 г.

---

* * *

Мое-ли это, — или перепѣвы
Чужих напѣвов, мнѣ запавших в душу,
И сам не знаю!
Но, когда посѣвы
Падут на камень иль пустую сушу —
Не жди расцвѣта и не жди плодов!
Так с Богом в люди, и без лишних слов...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. БАЯНАМ.

V. ТРИЗНА ПО ЮНОСТИ.

VI. ВЕШНІЯ ВѢЯНІЯ.

VII. ОСЕННІЯ СЛЕЗЫ.

VIII. ЛЕПЕСТКИ ЛЮБВИ.

IX. БРЫЗГИ ЖИЗНИ.

ТРУДЫ Д. Н. ВЕРГУНА.

1. **Мелетій Смотрицкій**, публицист и грамматик XVII вѣка. Литературная монографія, (Диссертація). Вѣна 1899.

2. **«Славянскій Вѣк»**, всеславянскій орган. Вѣна, 1900--1904.

3. **Нѣмецкій Drang nach Osten** в цифрах и фактах с картой нѣмецкой колонизаціи в славянских землях. Вѣна, 1905.

(Переводы вышли на Чешском, Сербском, Французском и Мадьярском языках).

4. **Что нужно знать о славянах.** Петроград, 1908.

5. **«Ладо»**. Общественно-литературный сборник. Петроград, 1911.

6. **Россія и Турція**. Историческій очерк. Петроград, 1911.

7. **Что такое Галиція**. 2 изданія. Петроград, 1915.

8. **Новѣйшая карпаторусская библіографія**, Нью-Іорк, 1920.

9. **Вудров Вильсон — «Новозавѣтный Мойсей»**, Нью Іорк, 1920.

10. **Червоннорусскіе отзвуки**. Сборник стихотвореній. Львов, I-ое изданіе, 1901 г. II-ое 1907.